

ПЕТЕРБУРГ-2006

ЕЖЕГОДНАЯ ВЫСТАВКА НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ

7 - 24 ЯНВАРЯ 2007 ГОДА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ "МАНЕЖ"

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ:

ВЕРНИСАЖ - 7.01 в 16.00

Круглый стол "НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА":
ОМА - Объединение архитектурных мастерских - 10.01. 17.00

Программа перформанса - 13.01. 15.00
14.01. 15.00

Святочный карнавал - 19.01. 15.00

Свето-видеоперформанс Андрея Мельника - 19.01. 19.00

Круглый стол "СВОЕВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА":
"Петербургские фундаменталисты", писатели, философы.
Презентация книги Данте Алигьери "Новая жизнь"
с иллюстрациями Рашида Доминова (издательство "ВИТА НОВА") - 20.01. 15.00

Поэтические чтения - 21.01. 15.00

Теоретическая конференция - 24.01. 17.00
Награждение дипломами выставки

- АБРАМЯН Виктор Ашотович. 1938
 Вечер с ню. 2006. ДВП, темпера, масло. 80x100
 АГАБАЛАЕВ Вячеслав Сикратович. 1963
 Кафе. 2006. Холст, масло. 80x100
 АГАБЕКОВ Александр Суренович. 1936
 Проникновение. 2006. Объект. Смешан. техн. Д 45
 АГАРКОВА Наталья Ивановна. 1962
 На мосту через века. 2006. Холст, масло. 50x60
 АКОПЯН Дорвард Гургенович. 1943
 Осень. 2006. Холст, масло. 60x80
 АКУЛОВИЧ Елена Сергеевна. 1983
 Портрет брата. 2006. Холст, масло. 57x75
 АЛЕКСЕЕВ Федор Львович. 1952
 Церковь Симеона и Анны. 2006. Холст, масло. 150x100
 АНДРЕЕВ Сергей. 1954. АНДРЕЕВА Галина. 1967
 Привычные мерзости. 2006. Цв. фотография. 55x40
 АНИКИН Максим Викторович. 1973
 В поисках священного быка. 2006. К., смеш. техн. 50x40
 АНОПОВА Валентина Акимовна. 1938
 Берегиня старшая. 2006. Бумага, цветная пастель. 50x43
 АНТОНОВ Эдуард Никандрович. 1930
 Биржевой мост. 2006. Бумага, акварель. 37x48
 АНТОНЫШЕВ Ян Анатольевич. 1965
 Городской каштан. 2006. Картон, пастель. 90x70
 АНФАЛОВА Надежда Владимировна. 1976
 Краков. 2006. Бумага, шелкография. 35x50
 АРЦУТАНОВА Елена Дмитриевна. 1957
 Птица. 2006. Холст, масло. 90x110
 АСТАФЬЕВА Ольга Евгеньевна. 1954
 Слияние. 2006. Холст, смешанная техника. 25x35
 АСТРЕЙН Лариса Аркадьевна. 1941
 Материя пространства. 2006. Холст, масло. 100x120
 АТАПИНА Юлия Александровна. 1987
 Тень. 2006. Ч/б фотография. 30x45
 АХАПКИН Сергей Борисович. 1958
 Шествие рыб. 2006. Бумага, пастель. 60x48
 АХМАДЖЕЕВА Лариса Амировна. 1974
 Корабли на Неве. 2006. Холст, масло. 90x70
 БАКИН Сергей Владимирович. 1957
 Бордо. 2006. Холст, масло. 100x80
 БАРАНОВСКИЙ Валентин Михайлович. 1948
 За кулисами Маринки. 2006. Фотография. 30x40
 БАРЫШЕВ Сергей Викторович. 1963
 Волжский утес. 2006. Холст, масло. 60x80
 БАСИН Анатолий Нисонович. 1936
 Сидящая. 2006. Холст, масло. 120x80
 БЕЛАБРОВА Мария Ивановна. 1982
 Моя большая королевская семья. 2006. Гор. батик. 180x260
 БЕЛЛЕ Андрей Юрьевич. 1957
 Натюрморт. 2006. Холст, масло. 140x160
 БЕЛОГОЛОВАЯ-НИКОЛЬСКАЯ Анна Борисовна. 1962
 Букет. 2006. Бумага, пастель. 60x50
 БЕЛЯЕВ Андрей Павлович. 1971
 Знамена Астанчурги. 2006. Б., темп. 100x200
 БЕМБЕЛЬ Александр Викторович. 1934
 Старуха Forever (Как проехать, милок?) 2006. Х., м. 52,5x38
 БЕРСЕНЕВА Елена Петровна. 1955
 Состязание. 2006. Пластик, стекло. 40x30
 БЕРТЕЛЬС Василий Дмитриевич. 1950
 Aatrium. Tallin 3/22a. 2006. Цв. фотография. 40x60
 БИРУЛЯ Ирина Михайловна. 1944
 Как молоды мы были... 2006. Х., смешан. техн. 120x150
 БИХТЕР Александр Алексеевич. 1951
 В движении. 2006. Холст, масло. 80x80
 БЛАГОВЕСТНАЯ Ксения Ивановна. 1980
 Из цикла «Птицы». 2006. Б., чернила, перо. 101x71
 БЛИНОВА Ирина Николаевна. 1969
 Тысяча и одна ночь. 2006. Войлок, коллаж. 200x130
 БЛИОК Андрей Андреевич. 1983
 Бурный день. 2006. Холст, масло. 80x60
 БЛИОК Андрей Николаевич. 1946
 Веранда. Яблоки и цветы. 2006. Холст, масло. 79x69
 БОГАТОВА Юлия Николаевна. 1972
 Музыкант Геннадий Гольштейн. 2006. Х., м. 100x70
 БОДРОВ Андрей Игоревич. 1968
 Пейзаж В.О. 2006. Бумага, монотипия. 35x45
 БОМОЦИРЕНКО Денис Викторович. 1971
 Memento vivere. 2006. Фотография. 30x30
 БОРИСОВ Виктор Глебович. 1957
 Поверженный. 2006. Холст, масло. 76x92
 БОРОВИЦКИЙ Юрий Геннадиевич. 1955
 Кораблекрушение. 2006. Б., цв. кар. 60x85
 БОРОВКО Елена Викторовна. 1957
 Петропавловская крепость. Ворота. 2006. Ф/гр. 30x40
 БОРОДИН Станислав Юрьевич. 1950
 Герцелия. 2006. Холст, масло. 94x115
 БОЧАРОВА Елена Викторовна. 1972
 Кросс. 2006. Холст, акрил. 85x210
 БРЕХОВ Юрий Николаевич. 1941
 Кронштадт. Памятник подводной лодке. 2006. Б, акв. 46x64
 БРУКМЮЛЛЕР Наталья Евгеньевна. 1960
 Porte de la Selva. 2006. Цветная фотография. 30x45
 БУКОВСКАЯ Тамара Симоновна. 1947
 Черные черновики. 2006. Бумага, темпера. 80x60
 БУРЛАНКОВА Ксения Александровна. 1973
 Мужской портрет. 2006. Картон, масло. 95x68
 БУРМИСТРОВ Игорь Александрович. 1959
 Полдень. 2006. Картон, масло. 80x100
 БУРОВЦОВ Александр Александрович. 1950
 Музы. 2006. Холст, масло. 120x85
 БУСАРЕВА Марина Юрьевна. 1964
 На Петроградской стороне. 2006. Б., монотипия. 80x56
 БУШУЕВ Владислав Геннадиевич. 1946
 Смольный собор. Листопад. 2006. Б., темп. 79,5x59.6
 БУШУЕВА Галина Борисовна. 1952
 Воспоминания о Мухе. 2006. Ручн. ткачество. 150x130
 БУЯНОВ Андрей. 1957. ГРИГОРЯН Григорий. 1954
 Аввакум. 2006. Инсталляция. 210x230
 БЫКОВА Ирина Анатольевна. 1966
 Преодоление. 2006. Оргалит, sandex (песок). 100x80
 БЫЛКОВ Юрий Алексеевич. 1984
 Параллели. 2006. Латунь. 150x70x70
 БЫТКА Валерий Константинович. 1962
 Музыканты. 2006. Известняк. 70x70x70
 ВАЙНМАН-СТОЖАРОВА Галина Моисеевна. 1940
 Сидящая. 2006. Бумага, темпера. 85x60
 ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Михайлович. 1988
 Без названия. 2006. Цв. фотография. 45x30
 ВАСИЛЬЕВ Николай Владимирович. 1975
 Весна пришла. 2006. Холст, темпера. 200x300
 ВАСИЛЬЕВА Алена Александровна. 1975
 Вечером на Крюковом канале. 2006. Б., акв. 57x40
 ВАСИЛЬЕВА Алина Александровна. 1975
 Чайки. 2006. Холст, масло. 45x90
 ВАСИЛЬЕВА Анна Владимировна. 1985
 Путешествие по Индокитаю. 2006. Шамот, глазури. Н 18
 ВАСНЕЦОВА Елизавета Юрьевна. 1937
 Расписной шкафчик. 2006. Оргалит, масло. 122x100
 ВАССОЕВИЧ Татьяна Николаевна. 1934
 Натюрморт с лещами. 2006. Бумага, цв. автолит. 50x40
 ВАЩАГИН Анатолий Николаевич. 1941
 Гороскоп. 2006. Холст, масло. 60x60
 ВАЩИННИКОВА Лилия Александровна. 1959
 Воскресный день в Румянцевском саду. 2006. Х., м. 110x110
 ВЕДЕРНИКОВА Светлана Энгельсовна. 1952
 Пряжки. 2006. Холст, масло. 80x60
 ВЕРГАСОВА Яна Вячеславовна. 1969
 Гданьск. 2006. Холодный батик. 50x48
 ВЕРДИЯНУ Дмитрий Алексеевич. 1954
 Птенец в квадрате. 2006. Дерево. 100x60x100
 ВЕТРОГОНСКИЙ Андрей Владимирович. 1956
 Ночное окно. 2006. Холст, масло. 70x85
 ВИГЛИНА Вера Моисеевна. 1959
 Отдых. 2006. Шамот. 170x70x50

КАТАЛОГ

ВИДЕРМАН Владимир Семенович. 1945
Воительница. 2006. Холст, масло. 110х90

ВИЗИРЯКО Александр Васильевич. 1958
Рождество. 2006. Дерево, эмаль, темпера. 116х65

ВИЛКИН Александр Адольфович. 1981

Соседи-канибалы. 2006. Бумага, гуашь. 200х200

ВИЛЬЧИНСКАЯ Ирма Витольдовна. 1938

Такса. 2006. Керамика, глазурь. 15х7

ВЛАСОВА Елена Васильевна. 1948

На берегу лужи. 2006. Бумага, гуашь, пастель. 57х46

ВОЛОДЧЕНКО Надежда Юрьевна. 1961

Сторожиха. 2006. Бумага, смешанная техника. 50х60

ВОЛОСЕНКОВ Феликс Васильевич. 1944

Perts@ru. 2006. Холст, смешанная техника. 179х81

ВОЛЧЕК Лика Владимировна. 1961

Звездная мистерия. 2006. Х., смешан. техн. 200х150

ВЬОНОШЕВА Ольга Игоревна. 1962

Интерьер с окном. 2006. Холст, масло. 60х50

ГАВРИЧКОВ Михаил Алексеевич. 1963

Проверка на дорогах. 2006. Холст, акрил. 50х70

ГАЛЕРКИНА Елена Александровна. 1948

Страсти по Шекспиру. Объект. 2006. К., коллаж. Н 75

ГАЛЕЧЬЯН Валерий Абгарович. 1947

Родиться свыше. 2006. Б., компьютерная графика. 45х33

ГАРДЕ Владимир Львович. 1973

Сирень у окна. 2006. Холст, масло. 86х96

ГЕРАСИМОВ Геннадий Вадимович. 1953

Золотой вечер. 2006. Холст, масло. 60х75

ГЕРАСИМОВ Геннадий Геннадьевич. 1980

Петергоф. 2006. Холст, масло. 60х60

ГИНДПЕР Евгений Анатольевич. 1949

Дождь над Васильевским островом. 2006. Х., м. 130х100

ГЛАДКИЙ Александр Николаевич. 1953

Красная ваза. 2006. Керамика, глазурь. Н 70

ГЛАЗОВ Игорь Валерьевич. 1975

Зимний день. 2006. Холст, масло. 60х70

ГЛЕВИЦКИЙ Иван Павлович. 1926

Новая Голландия. 2006. Б., смешан. техн. 92х62

ГОГОЛЕВА Светлана Владимировна. 1961

Петербургский пейзаж. 2006. Холст, масло. 41х56

ГОДЕС Олег Залманович. 1946

Рельеф. 2006. Терракота. 75х80х10

ГОЛОВАНОВ Станислав Дмитриевич. 1940

Эстафета. 2006. Гипс, тонировка. 85х30

ГОЛОВАЧЕВ Борис Федорович. 1939

Поворот Мсты. 2006. Холст, масло. 103х75

ГОЛУБЕВА Лариса Александровна. 1951

Вокзал. 2006. Холст, масло. 60х80

ГОРОДКОВ Федор Михайлович. 1945

Блок. 2006. Гипс. 26х21х16

ГОРОХОВА Евгения Михайловна. 1984

На помойке. 2006. Оргалит, масло. 33х66

ГОРОХОВА Елена Константиновна. 1933

Финский залив. 2006. Оргалит, ПВА. 45х60

ГОРСКАЯ Юлия Сергеевна. 1939

Розы на голубом. 2006. Холст, масло. 50х50

ГОРЯЕВ Александр Николаевич. 1952

Первый снег. 2006. Холст, масло. 40х50

ГРЕЦКАЯ Ирина. 1942, ГРЕЦКИЙ Юрий. 1944

Лесной мотив. 2006. Оргалит, дерево, масло. 120х105

ГРЕЧКИНА Татьяна Олеговна. 1979

Река. 2006. Холст, масло. 40х50

ГРИГОРЬЕВ Валерий Иванович. 1944

Ваза «Осень». 2006. Шамот, глазури. Н 60

ГРИГОРЬЕВ Игорь Витальевич /ДРЮППЭ/. 1962

Лужский пейзаж. 2006. Холст, масло. 90х120

ГРИГОРЬЕВ-БАШУН Вадим Борисович. 1960

Перерождение. 2006. Холст, акрил. 160х130

ГРИЦЕНКО Елена Анатольевна. 1947

Пространственная композиция. 2006. Х., м. 85х100

ГУБАНОВ Геннадий Павлович. 1935

Волинский мотив. 2006. Холст, масло. 103х100

ГУСЕВ Андрей Сергеевич. 1984

Сюжет с тенью. 2006. Фотография. 40х60

ГУСЕВ Юрий Александрович. 1939

Марионетки. 2006. Холст, масло. 61х90

ГЮЛАЗЯН Роберт Патваканович. 1947

Дорога на Святую землю. 2006. Холст, масло. 120х159

ДАШИН Андрей Юрьевич. 1977

Из серии "Непокаянный Петербург". 2006. Ф/гр. 80х60

ДАШКИНА Соня Тялимуловна. 1958

Песни морю. 2006. Холст, масло. 80х60

ДЕВОЧКИН Владимир Васильевич. 1936

Осень. Suomi. 2006. Холст, масло. 50х70

ДЕГТЯРЕВА-ОЛЕНЕВА Муза Викторовна. 1930

Три солнца. 2006. Холст, масло. 45х100

ДЕСНИЦКАЯ-КУЗЬМИНА Александра Олеговна. 1987

Коктебельские холмы. 2006. Холст, масло. 65х54

ДЖИГИРЕЙ Алла Александровна. 1964

Электричка в Лигово. 2006. Бумага, темпера. 60х80

ДОБАШИНА Любовь Васильевна. 1943

Портрет скульптора К.Симуна. 2006. Шамот. 80х40х25

ДОБРЖАНСКАЯ Зоя Станиславовна. 1919

Бетховен. 2006. Мозаика. 60х53

ДОЛИНСКИЙ Люциан. 1942

Отверженный (Кто следующий?). 2006. Дерево. 35х30х51

ДОМИНОВ Рашид Рауфович. 1946

Первый снег на Соленом озере. 2006. Х., м. 100х120

ДОНЧЕНКО Елизавета Денисовна. 1987

Пьета. 2006. Бумага, смешанная техника. 40х30

ДОНЧЕНКО Денис Борисович. 1965

Жук-хронограф. 2006. Гальванопластика, дерево. 50х40

ДРОБЯЩЕНКО Антонина Евгеньевна. 1982

Книга мифов. 2006. Дерево. 60х40х20

ДУХОВЛИНОВ Владимир Анатольевич. 1950

Большая монгольская энциклопедия. 2006. Х, см. техн. 150х140

ДЬЯКОВА Нина Васильевна. 1948

Бар на берегу океана. Мексика. 2006. Б., акв, уголь. 34х53

ДЯДЧЕНКО Игорь Вячеславович. 1953

Джайв «Растыкалка». 2006. Дерево. 60х40х20

ДЯДЮЧЕНКО Юрий Павлович. 1932

Зимнее утро. 2006. Фотография. 29х100

ЕГОРОВСКИЙ Дмитрий Вадимович. 1965

Никольский собор. 2006. Холст, масло. 100х80

ЕРМОЛАЕВ Денис Юрьевич. 1973

Портрет девушки у окна. 2006. Фотография. 50х60

ЕФРЕМОВ Александр Петрович. 1951

Автопортрет в испанском костюме. 2006. Х., м.. 90х75

ЖЕЛУДЬ Анна. 1981

Понедельник. 2006. Холст, масло. 80х100

ЖИРМУНСКАЯ Александра Викторовна. 1948

Пляж в Коктебеле. Ноябрь. 2006. Картон, масло. 81х110

ЖУКОВА Лидия Константиновна. 1981

Книга "Ноев ковчег". 2006. Х., печать, ткачество. 300х300

ЖУЛЬ Ольга Ивановна. 1959

Коралловый куст. 2006. Керамика, стекло, металл. 200х150

ЖУРАВЛЕВ Тимофей Борисович. 1986

Портрет. 2006. Ч/б фотография. 20х30

ЗАБИРОХИН Борис Павлович. 1947

Оттепель. 2006. Бумага, темпера. 50х60

ЗАДОРИН Александр Евгеньевич. 1941-2006

Автопортрет. 2006. Холст, масло. 90х70

ЗАЙЦЕВ Федор Александрович. 1985

На пути в Тихвин. 2006. Картон, масло. 75х40

- ЗАПОРОЖЕЦ Ирина Федоровна. 1964
Осень и лужи. 2006. Холст, масло. 60x70
- ЗАРЕЦКАЯ Юлия Михайловна. 1965
Интерьер. 2006. Холст, масло. 90x60
- ЗАСЛАВСКИЙ Анатолий Савельевич. 1939
Дорога в школу. 2006. Холст, масло. 80x110
- ЗАХАРОВ Александр Викторович. 1954
Черное море. 2006. Холст, масло. 50x65
- ЗАХАРОВА Лариса Вячеславовна. 1977
Волна. 2006. Фаянс, глазури. Н 60
- ЗВЕРЛИН Юрий Викторович. 1955
Вербное воскресенье. 2006. Холст, масло. 70x100
- ЗИЗЮЛИН Сергей Николаевич. 1958
Тень. 2006. Фотография. 45x30
- ЗИНОВЬЕВ Олег Ефимович. 1937
Лесная фея. 2006. Терракота. 38x29x16
- ЗИНШТЕЙН Арон Иосифович. 1947
С морской свинкой. 2006. Холст, масло. 120x80
- ИВАНЕНКО Юрий Михайлович. 1947
Манеж зимой. Колоннада. 2006. Фотография. 45x30
- ИВАНОВ Виктор Борисович. 1948
Предчувствие. 2006. Картон, масло. 85x100
- ИВАНОВ Владимир Васильевич. 1950
Портрет И.З. 2006. Известняк. Н 31
- ИВАНОВ Игорь Васильевич. 1934
Пупс Никита. 2006. Холст, масло. 56x65
- ИВАНОВА Людмила Михайловна. 1953
После отлива. 2006. Б., компьютерная графика. 40x50
- ИВАНЧЕНКО Семен Иванович. 1952
Композиция №5. 2006. Бумага, смешанная техника. 60x80
- ИЕВЛЕВА Галина Петровна. 1938
Кипрский Архиепископ Христосмос. 2006. Гипс. 73x35x25
- ИЛЫНА Екатерина Александровна. 1986
Гороховец. 2006. Холст, масло. 20x50
- ИНОЧКИНА Любовь Григорьевна. 1960
Против ветра. 2006. Бумага, темпера. 60x90
- ИСКИЕРДО Мануэль. 1956
Три музыканта. 2006. Шамот. 30x34x15
- КАГАДЕЕВ Андрей., КОПЕЙКИН Николай. 1966
Корпоративный портрет русского бизнеса. 2006. Инстал-
- КАЗАРЯН Ашот Александрович. 1957
Сафолера. 2006. Гипс, позолота. Н-90
- КАЛЫН Артур Дмитриевич. 1970
Зима в Карташевской. 2006. Холст, масло. 61x91
- КАМИНКА Александр Дмитриевич. 1975
Композиция. 2006. Керамика. Н 70
- КАМИНКА Даниил Дмитриевич. 1977
Север. 2006. Дерево. 170x140x150
- КАМИНКА Дмитрий Давыдович. 1949
Пейзаж с головой быка. 2006. Гипс. 250x150x140
- КАПИНОС Михаил Леонидович. 1972
В пещере горного короля. 2006. Фотография. 60x80
- КАРЛЫХАНОВ Николай Александрович. 1955
Обнаженная. 2006. Дерево. Н 132
- КАРЛЫХАНОВА Светлана Валентиновна. 1951
Танго. 2006. Шамот, высокий обжиг. Н 78
- КАРПОВА Нина Анатольевна. 1971
Треугольность. 2006. Хлопок, горячий батик. 140x215
- КАСЬЯНОВ Сергей Владимирович. 1958
Семейство. 2006. Фанера, левкас. 104x44
- КАШИН Павел Артемьевич. 1955
Композиция. 2006. Бумага, темпера. 55x75
- КАШТАНОВ Вячеслав Аркадиевич. 1949
Небесное окно. 2006. Б., компьют. графика. 31x33
- КИМ Наталья Витальевна. 1953
Формула Весны. 2006. Картон, масло. 56x67
- КИРЕЕВ Роберт Азарович. 1958
Голуби. 2006. Холст, масло. 110x90
- КИРЬЯНОВ Алексей Федорович. 1955
Трио. 2006. Б., пастель. 50x100
- КИСЕЛЕВ Николай Александрович. 1967
Бери. Небо. 2006. Картон, масло. 70x50
- КИТАЕВ Александр Александрович. 1952
Без названия. 2006. Фотография. 30x40
- КЛОПОВА Людмила Михайловна. 1947
Гортензия. 2006. Мулине, вышивка. 35x70
- КОБЗАРЬ Анастасия Юлиановна. 1974
Остановка. 2006. Холст, масло. 40x50
- КОВАЛЕВА Анастасия Владимировна. 1983
Путешествие по Европе. 2006. Горячий батик. 263x80
- КОВАЛЕНКО Наталья Семеновна. 1956
Шествие. 2006. Холст, масло. 110x90
- КОВЕНЧУК Георгий Васильевич. 1933
Метро. 2006. Холст, масло. 45x35
- КОВЕНЧУК Жанна Михайловна. 1940
Натюрморт. 2006. Холст, масло. 30x40
- КОЗЛОВ Борис Алексеевич /БАК/. 1931
Бывш. обувная ф-ка «Пролетарская победа» К., м. 44,5x61
- КАЛИБАБА Леонид Яковлевич. 1946
Реквием. 2006. Дерево. Н 150
- КОНДРАТЬЕВ Александр Валентинович. 1950
Лисы. 2006. Холст, акрил. 180x100
- КОННИКОВ Петр Петрович. 1955
Прогулка. 2006. Холст, масло. 140x150
- КОНАКОВ Игорь Владимирович. 1962
Сублиматические структуры. 2006. К., см. техн. 70x100
- КОПЕЙКИН Николай Андреевич. 1966
Девочка на шаре. 2006. Холст, масло. 80x68
- КОРОЛЕВ Александр Николаевич. 1962
Обнаженная. 2006. Холст, масло. 60x80
- КОРОЛЕНКО Станислав Макарович. 1946
Путешествие в «Народный». 2006. Холст, масло. 90x100
- КОРОЛЬЧУК Андрей Александрович. 1961
Новая весна. 2006. Холст, масло. 90x100
- КОСТЕНКО Елена Михайловна. 1926
После юбилея. 2006. Холст, масло. 80x60
- КОХИСТАНИ Валентина Анатольевна. 1956
Пруд с лилиями. 2006. Холст, масло. 50x40
- КОЧУКОВА Екатерина Николаевна. 1960
Портрет сына. 2006. Шамот. 28x20x20
- КРАСИЛЬНИКОВА Татьяна Николаевна. 1938
Археологические раскопки в Гагре. 2006. Х., м. 99x60
- КРУГЛОВ Александр Сергеевич. 1952
Набор для молока «Лето». 2006. Фарфор, роспись.
- КРЫЛОВА Татьяна Станиславовна. 1970
Сны о Греции. Блюдо. 2006. Фарфор. Д 30
- КУГУШЕВ Наиль Исламович. 1958
Пейзаж с облаком. 2006. Б., смеш. техника. 55x37
- КУЗНЕЦОВ Андрей Алексеевич. 1957
Палаклав. 2006. Холст, масло. 40x55
- КУЗЬМИН Андрей. 1970, СЕМИЧОВ Алексей. 1959
Монокот. 2006. Бумага, тушь. 114x140
- КУЛЕШОВ Всеволод Анатольевич. 1976
Без названия. 2006. Коллаж. 48x32
- КУЛЬБИН Алексей Георгиевич. 1961
Зимний вечер в Туле. 2006. Оргалит, масло. 80x110
- КУПРИЯНОВ Виктор Гаврилович. 1945
Старая ель. 2006. Холст, масло. 60x40
- КУРАКОВА Надежда Витальевна. 1980
Гандвик. 2006. Авторская техника, алюминий. 90x124
- КУЦЕНКО Людмила Викторовна. 1930
Натюрморт. 2006. Холст, масло. 55x50
- ЛАВРЕНТЬЕВ Владимир Сергеевич. 1947
Катер в ремонте. 2006. Бумага, акварель. 52,5x77
- ЛАГУТИН Петр Николаевич. 1952
Архив 2006. Холст, масло. 137x107

КАТАЛОГ

ЛАЗАРЕВ Валерий Павлович. 1939
Грибная пора. 2006. Холст, масло. 96х97
ЛАПИНА Ольга Алексеевна. 1981
Алупка. Воронцовский сад. 2006. Холст, масло. 60х100
ЛЕБЕДЕВА Татьяна Леонидовна. 1955
Весна. 2006. Фотография. 30х40
ЛЕВЧЕНКО Виктор Тимофеевич. 1960
Композиция. 2006. Холст, масло. 60х80
ЛЕЩИНСКИЙ Кирилл Валентинович. 1966
Мост. 2006. Холст, масло. 90х70
ЛИНЦБАХ Юлия Евгеньевна. 1959
Автопортрет. 2006. Холст, масло. 40х30
ЛИПАК Василий Юрьевич. 1945
Тишина. 2006. Холст, масло. 50х70
ЛУКИН Евгений Николаевич. 1940
Шостакович. 2006. Керамика. 40х35
ЛУККА Валерий Николаевич. 1945
Этюд. 2006. Холст, смешанная техника. 100х80
ЛЫТКИНА Екатерина. 1981. ФЕРДИНАНД Мария. 1980
Женский образ рубежа веков. 2006. Батик. 400х300
МАЗУР Виктория Эдуардовна. 1970
У Трицкого рынка. 2006. Бумага, монотипия. 49х40
МАКСИМОВ Сергей Сергеевич. 1938
Вечер в деревне. 2006. Холст, масло. 40х50
МАКСИМОВ Эрнест Семенович. 1937
Осень. 2006. Холст, смешанная техника. 58,5х76
МАЛИК Рустам. 1966
Утро. 2006. Холст, акрил. 90х120
МАЛЬКОВ Кирилл Юрьевич. 1965
Невский проспект. 2006. Холст, масло. 73х92
МАНУКЯН Грета Гургеновна. 1950
Раннее утро. 2006. Холст, масло. 85х66
МАРКЕВИЧ Виктория Николаевна. 1961
В парке. 2006. Бумага, тушь. 42х38
МАРКИН Павел Михайлович. 1946
Рок-группа "Крематорий", Манеж. 17.11.06. Ф/гр. 40х60
МАРКОВИЧ Владимир Владимирович. 1959
Натюрморт-20X. 2006. Фотоколлаж. 120х82
МАРКУЛЬ Дмитрий Борисович. 1949
Канал Грибоедова. 2006. Холст, масло. 60х80
МАРТИНСОН Борис Мартинович. 1935
Вечер. 2006. Картон, масло. 60х48
МАРЧЕНКО Вячеслав Петрович. 1952
Стрелок. 2006. Холст, масло. 80х50
МАСЛЕННИКОВА Ирина Николаевна. 1925-2006
Ирисы. 2006. Холст, масло. 50х40
МАСЛОВ Анатолий Алексеевич. 1938
Женский портрет. 2006. Холст, масло. 60х80
МАТВЕЕВ Ростислав Михайлович. 1955
Красный источник. 2006. Б., компьютер. графика. 33х60
МЕДВЕДЕВ Юрий Александрович. 1939
Больничный коридор глазного отделения. 2006. Х., м. 60х80
МЕЖЕРИЦКИЙ Игорь Васильевич. 1956
Венера перед зеркалом. 2006. Бумага, акрил. 200х200
МЕЛЬНИКОВ Всеволод Михайлович. 1948
Каменный цветок. 2006. Цветной мрамор. 15х7.5х6
МЕЛЬНИЧЕНКО Светлана Анатольевна. 1966
Поцелуй. 2006. Мрамор. 60х20х20
МЕНДАГАЛИЕВ Гафур Сифатович. 1954
Встреча. 2006. Холст, масло. 66х91
МЕНЧИКОВ Сергей Валентинович. 1937
Ангел коленопреклоненный. 2006. Габр – диабаз. Н 70
МЕТИК Валерий Александрович. 1941
Автопортрет. 2006. Холст, масло. 53х41
МЕТИК Сергей Валерьевич. 1972
Реставрация собора. 2006. Холст, масло. 95х72
МЕФОДЬЕВА Мария Николаевна. 1981
К Шварцу. 2006. Бумага, офорт. 23х22
МИРОНОВ Валерий Сергеевич. 1954
Натюрморт с зеленой рыбкой. 2006. Х., м. 100х100

МИРОНОВА Елена Викторовна. 1981
Фрукты. 2006. Холст, акрил, темпера. 65х54
МИФТАХУТДИНОВ Роберт Азарович. 1966
Шапки. Первый день июля. 2006. Холст, масло. 40х50
МИХАЙЛОВ Александр Николаевич. 1954
Воспоминание о р. Мойке. 2006. Гор. эмаль. 13.6х92
МИХАЙЛОВ Антон Вячеславович. 1974
Баня №43. 2006. Холст, акрил, масло. 60х80
МИХАЙЛОВ Вячеслав Саввич. 1945
Вифлеем. 2006. Холст, левкас, акрил. 150х110
МИХАЙЛОВ Павел Алексеевич. 1979
Автопортрет. 2006. Фотография. 40х50
МИХАЙЛОВА Лидия Алексеевна. 1942
Илария Карретто. Лукка, XV век. 2006. Ф/гр. 25х38
МИХАЙЛУЦА Владимир Петрович. 1957
Метаморфозы. 2006. Фотография. 45х60
МИШИН Андрей Валерьевич. 1964
Ковчег. Земля. 2006. Бронза, литье. 27.5х11х22
МИШИН Валерий Андреевич. 1939
Артстрим. 2006. Холст, масло. 80х60
МОЛОДКОВЕЦ Юрий Алексеевич. 1963
Из проекта «Новый Эрмитаж». 2006. Фотография. 60х90
МОЛОДЫХ Константин Станиславович. 1983
Речка. 2006. Холст, масло. 70х50
МОРОЗОВ Валерий Николаевич. 1953
Море №2. 2006. Холст, масло. 75х100
МОРОЗОВ Сергей Владимирович. 1955
Маркизова лужа-2. 2006. Фотография. 70х60
МОТЫЛЕВ Александр Робертович. 1956
Атлантида. 2006. Медь, гор. эмаль, дер., алюминий. 30х150
МУЗЫРИНА Ирина Анатольевна. 1972
У самого синего моря. 2006. Холст, масло. 80х80
МУРАДОВА Юлия Викторовна. 1967
Бег по кругу. 2006. Дерево, эмаль. 50х50х28
МУСТАФИНА Эльмира Амировна. 1977
Дождь. 2006. Бумага, акварель. 65х35
МУХИНА Дарья Геннадьевна. 1975
Интимный дневник. 2006. Бумага, акв., пастель. 40х50
МУШТАВИНСКИЙ Андрей Борисович. 1961
Петергоф (Одинокая ворона). 2006. Фотография. 50х75
МЫМРИН Виктор Михайлович. 1939
Нимфа Невы. 2006. Холст, масло. 90х100
НАТАРЕВИЧ Аркадий Михайлович. 1940
Революция. 2006. Стекло, окислы металлов. 110х230
НАШИВОЧНИКОВ Юрий Алексеевич. 1922
Апокалипсис. 2006. Объект. 50х200
НЕЙМАН Варвара Яновна. 1970
Час пик. Лондон. 2006. Бумага, акварель. 38х48
НЕКРАСОВ Александр Михайлович. 1955
Композиция. 2006. Бумага, пастель. 30х50
НЕКРАСОВ Сергей Михайлович. 1964
Натюрморт. 2006. Холст, масло. 84х60
НЕЛЮБОВИЧ Игорь Андреевич. 1948
Дерево. 2006. Холст, масло. 65х110
НИКИТИНА Ольга Владимировна. 1981
Игральная карта. 2006. Войлок, вышивка, печать. 15х300
НИКИТИНСКАЯ Мария Валерьяновна. 1974
Ангел-хранитель. 2006. Гипс. 44х23х23
НОРКОВ Сергей Михайлович. 1960
Бегство. 2006. Холст, масло. 120х90
НОСКОВА Вера Зодимовна. 1955
Вот такие огурцы .. 2006. Керамика, ручная лепка, ангобы
НОСОВ Александр Кириллович. 1947
Восточный мотив. 2006. Бумага, пастель. 82х66
ОВЧИННИКОВА Александра Ивановна. 1974
Все в цвету. 2006. Холст, масло. 80х90
ОМИНИНА Екатерина Игоревна. 1957
Улица. 2006. Керамика. Н 110

- ОРЛОВ Валерий Алексеевич. 1947
Лето. 2006. Картон, масло. 64x46
ОРЛОВ Евгений Михайлович. 1952
В пространстве цвета. 2006. Фанера, дерево, акрил. 200x250
ОСМИЕВ Михаил Асхабович. 1947
Абстрактная композиция. 2006. Холст, масло. 123x95
ОФЛИЯНЦ Ирина Ильинична. 1976
Морские фантазии. 2006. Холст, масло. 80x90
ПАВЛОВ Валерий Федорович. 1953
В башне из слоновой кости. 2006. Бумага, тушь. Д 30
ПАВЛОВ Юрий Михайлович. 1935
Автопортрет «Трельяж». 2006. Холст, масло. 75x100
ПАВЛОВА Лариса Владиславовна. 1973
Пучина. 2006. Спендерлюкс. 50x76
ПАКУЛИНА Любовь Вячеславовна. 1947
Праздник. 2006. Бумага, акварель. 70x100
ПАНКИН Александр Данилович. 1949
Мост с кентаврами. 2006. Холст, масло. 67x100
ПАНОВА Ольга Владимировна. 1960
Отражение в глубину. 2006. Б., цв. карандаш. 40x58
ПАНТЕЛЕЕВ Юрий Степанович. 1953
Посв. Ал. Блоку. «И пала темная вуаль...» 2006. Ф/гр. 45x30
ПАНИЮКОВА Лада Ивановна. 1970
Стена. 2006. Бумага, темпера. 50x58
ПАРШИКОВ Владимир Петрович. 1937
На теневой стороне. 2006. Холст, масло. 90x70
ПЕН Ольга Варленовна. 1958
Темный пейзаж. 2006. Бумага, тушь. 65x120
ПЕН Сергей Варленович. 1952
Рыбачьи лодки. 2006. Холст, масло. 70x100
ПЕРФИЛЬЕВА Нина Борисовна. 1958.
Красная Даная. 2006. Холст, масло. 45x60
ПИЛЮГИНА Анастасия Ивановна. 1984
Алтайский пейзаж. 2006. Цв. бумага, пастель. 32x50
ПИНКАВА Ростислав Богуславович. 1925
Сельский натюрморт. 2006. Холст, масло. 80x90
ПОВАРОВ Александр Петрович. 1947
Голова. 2005-06. Оргалит, масло. 58x36
ПОВАРОВА Валентина Петровна. 1933
Лицо. 2006. Холст, масло. 52x43
ПОДЛЯССКАЯ Галина Юрьевна. 1951
Крымский натюрморт. 2006. Холст, масло. 72x91
ПОЛИЩУК Джон Джонович. 1973
У нас есть всё. 2006. Холст, акрил, маркер. 60x70
ПОПОВА Ирина Алексеевна. 1986
Автопортрет в стиле Достоевского. 2006. Ф/гр. 100x43
ПОТАПОВ Николай Петрович. 1934
Горный поток. Памир. 2006. Холст, масло. 123x65
ПРОШКИН Владимир Викторович. 1931
У Петропавловского собора. 2006. Холст, масло. 76x58
ПУД Афанасий (Файнзильбер Е.П.). 1951
Kommentator.info. 2006. Принт, тушь, перо. 80x80
РАССАДИН Леонид Олегович. 1962
Предгорье. 2006. Холст, масло. 70x90
РЕЗНИЧЕНКО Николай Григорьевич. 1958
Вечер. 2006. Холст, масло. 60x50
РЕЙХЕТ Петр Викторович. 1953
Дисотека. 2006. Инсталляция. 150x150x150
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Яков Ефимович. 1954
Скоро осень. За окнами август. 2006. Ф/гр. 50x70
РОМАНОВ Вячеслав Евдокимович. 1952
Луна взойшла. 2006. Холст, масло. 55x61
РОМАНОВА Екатерина Вячеславовна. 1983
Вечер. 2006. Холст, масло. 50x35
РОМАНЧЕНКО Марк Васильевич. 1962
Старый дворик. 2006. Холст, масло. 77x100
РОМЖАЕВ Евгений Геннадиевич. 1950
Мужская работа. 2006. Фотография. 60x40
РОТАНОВ Евгений Никитич. 1940
Портрет Блока. 2006. Гипс. Н 50
РОТАНОВ Никита Евгеньевич. 1966
Трое. 2006. Холст, масло. 105x80
РУЧКИН Роман Борисович. 1956
Клеопатра. 2006. Гипс. Н 60
САВЕНКО Николай Иванович. 1957
Зимний день. 2006. Холст, масло. 60x70
САМАРИН Валентин Прохорович. 1928
Метапространство №34. 2006. Санкипринт. 58x47
СЕМЕНКОВ Сергей Александрович. 1960
На причале. 2006. Холст, масло. 60x80
СЕМЕНОВ Борис Алексеевич. 1939
Домбай. 2006. Холст, масло. 100x150
СЕМЕНОВ Владимир Владимирович. 1962
Кафе. 2006. Фотография. 30x40
СЕНИН Анатолий Николаевич. 1941
Чукотское утро. 2006. Бумага, пастель. 50x60
СЕРЕМОН Нина Алексеевна. 1963
Три формы. 2006. Бумага, темпера. 60x41
СИВЕРЦЕВ Сергей Иванович. 1934
Портрет Н.Власова. 2006. Холст, масло. 85.5x60
СИМУНИ Александр Борисович. 1947
Таллинн. Проход Катарини. 2006. Б., масл. паст. 40x60
СИРЕНКО Виктор Владимирович. 1954
Несобранная полоса. 2006. Холст, масло. 147x300
СКЛЯРЕВСКАЯ Инна Робертовна. 1963
Темный коридор. 2006. Бумага, гуашь. 61x86
СЛАДКОВ Андрей Васильевич. 1944
ВВП. 2006. Фотография. 30x160
СЛЕПУХИН Владимир Иванович. 1936
Зима отступает. 2006. Холст, масло. 40x60
СЛЕПЫШЕВА Анастасия Анатольевна. 1971
Окно в Петербург. 2006. Холст, масло. 100x80
СЛУЦКАЯ Полина Геннадьевна. 1984
Ритмы города. 2006. Бумага, темпера. 100x82
СМИРНОВ Геннадий Алексеевич. 1957
Огород. 2006. Холст, масло. 43x55
СМИРНОВ Михаил Сергеевич. 1951
Разговор. 2006. Холст, масло. 100x80
СМОЛОВИК Алексей Владимирович. 1965
Солнечное сфумато. 2006. Холст, масло. 72x92
СОКОЛОВА Татьяна Васильевна. 1958
Дары лета. 2006. Холст, масло. 80x60
СОКОЛОВА-ЗАЙЦЕВА Вера Константиновна. 1959
Рыба на стене. 2006. Холст, масло. 50x80
СОЛОВЬЕВ Дамир Васильевич. 1932
Зимний день. 2006. Ч/б фото, монокль. 22x15,5
СОЛОВЬЕВА Валентина Васильевна. 1946
Портрет со свечами. 2006. Б., масл. пастель. 50x65
СОПИНА Юлия Викторовна. 1968
Трамвайный парк. 2006. Холст, масло. 77,5x86,5
СОТНИКОВ Иоанн. 1961
Без названия. 2006. Смешанная техника. 100x80
СПАЩАНСКИЙ Андрей Николаевич. 1976
Зимнее утро. 2006. Бумага, акварель. 11x10,5
СПИВАК Марина Львовна. 1955
Букет. 2006. Дерево, гипс. 60x110x210
СТАРЕЦ Мария Марковна. 1973
Феодосия. Порт. 2006. Холст, масло. 60x100
СТЕКОВЩИКОВА Юлия Павловна. 1975
Витражи времени. 2006. Гобелен, шерсть. 290x106
СТЕПАНОВА Вера Константиновна. 1944
Русские народные пословицы. 2006. Фарфор, роспись.
СТОЛБОВ Александр Сергеевич. 1929
Окно. 2006. Холст, масло. 60x50

КАТАЛОГ

СТРУТИНСКИЙ Михаил Васильевич. 1966
 На Петроградской стороне. 2006. Б., акв. 37х50
 СУВорова Кира Иннокентьевна. 1931
 Деревня. 2006. Дерево. 62х22х27
 СУЗДАЛЬЦЕВ Варфоломей Владимирович. 1951
 Пятая линия. Белая ночь. 2006. Холст, масло. 50х60
 СУХАНОВ Дмитрий Михайлович. 1957
 Белые ночи. 2006. Холст, смешан. техн. 77х120
 СЫСОЕВА Лидия Павловна. 1938
 Пристань. 2006. Холст, масло. 40х50
 СЫЧЕВ Николай Викторович. 1948
 Вершины. 2006. Бумага, карандаш. 61х86
 СЫЧЕВ Юрий Дмитриевич. 1963
 Цапля. 2006. Холст, темпера. 140х190
 ТАРАСЮК Иван Иванович. 1957
 Скакалка. 2006. Шамот, соли, глазури. Н 90
 ТЕПЛЫЙ Николай Иванович. 1948
 Композиция. 2006. Холст, масло. 60х50
 ТИММЕ Александр Георгиевич
 Бюст Ленина. 2006. Гипс. 50х50х30
 ТИТОВ Дмитрий Дмитриевич. 1971
 Перспектива затмения. 2006. Х., см. техн. 150х150
 ТИХОМИРОВ Виктор Иванович. 1951
 Портрет Юффита. 2006. Холст, масло. 50х40
 ТИХОНОВ Сергей Владимирович. 1983
 Трупоеды. 2006. Холст, масло. 35х45
 ТОРОПКОВ Андрей Николаевич. 1958
 Торс. 2006. Дерево. 35х7х6
 ТОЧИЛИН Андрей Анатольевич. 1966
 Натюрморт с мандолиной и бутылкой. 2006. Х., м. 70х90
 ТРЕГУБЕНКО Мария Сергеевна. 1962
 Чудесное спасение младенца. 2006. Х., м. 100х120
 ТРЕТЬЯКОВ Владимир Михайлович. 1952
 «Азъ есмь...». 2006. Холст, масло. 130 X 70
 ТРИЗНА Александра Юрьевна. 1980
 Зелено-солнечная герань. 2006. Б., шелкография. 70х50
 ТРОФИМОВА Мария Владимировна. 1957
 Елена Каменина в образе Сапфо. 2006. Майолика. Н 34
 ТРОЯНОВСКИЙ Вадим Иванович. 1937
 Византия. 2006. Бронза. 120х60х40
 ТРУБЕЦКАЯ Валерия Ярославовна. 1945
 Джулия. 2006. Холст, масло. 100х120
 ТУЛИЧЕВА Татьяна Михайловна. 1963
 Золотой песок. 2006. Холст, масло. 60х70
 ТУМИН Марк Ефимович. 1946
 Встреча. 2006. Холст, масло. 100х140
 ТУРИНА Мария Александровна. 1975.
 Забытые. 2006. Ткань, водяные краски. 80х50
 УДАЛОВ Андрей Александрович. 1961
 Лифт. 2006. Черно-белая фотография. 50х60
 УСОВ Андрей Вадимович (Вилли). 1950
 Вл. Кошевой в паузе между дублями. 2006. Ф/гр. 30х45
 УСТЮГОВ Геннадий Афанасьевич. 1937
 Натюрморт. 2006. Холст, масло. 100х100
 УШАКОВ Михаил Серафимович. 1934
 Ленинград.. Нева. 2006. Холст, масло. 59х92
 ФИЛИППОВ Андрей Априосович. 1960
 Железнодорожный пейзаж. 2006. Холст, масло. 30х40
 ФИЛИППОВ Валерий Николаевич. 1964
 На Мойке у Певчего моста. 2006. Холст, масло. 50х70
 ФЛЕГОНТОВ Дмитрий Юрьевич. 1957
 Две женщины с девочкой. 2006. Холст, масло. 120х100
 ФЛОРЕНСКИЙ Александр Олегович. 1960
 Гороховец. 2006. Холст, масло. 30х40
 ФЛОРЕНСКАЯ Ольга Андреевна. 1960
 Гороховец. 2006. Холст, масло. 25х35
 ФРОНТИНСКИЙ Олег Борисович. 1938
 Северное лето. 2006. Холст, масло. 75х100
 ФУМЕЛЛИ Андрей Константинович. 1950
 Наташа. 2006. Терракота. Н40

ХАЗАН Лев Борисович. 1970
 Голубиные дела. 2006. Фотография. 67х90
 ХОНИН Герман Владимирович. 1931
 На первое свидание. 2006. Дерево. 39х35х45
 ХРЕБТОВ Артем Игоревич. 1964
 Пейзаж с маяком. 2006. Холст, масло. 60х80
 ЦЕХОМСКАЯ Наталья Алексеевна. 1945
 Остров Коневец. 2006. Фотобум, ч/б печать, м. 92х65
 ЦЭРУШ Михаил Георгиевич. 1948
 Зеленое высокогорье. 2006. Холст, масло. 130х100
 ЧЕЖИН Андрей Сергеевич. 1960
 Тринадцать. 2006. Ч/б фотография. 80х60
 ЧЕЖИНА Людмила Леонидовна. 1960
 Без названия. 2006. Цв. фотография. 50х60
 ЧЕРЕВКО Наталья Рудольфовна. 1974
 Венера. 2006. Холст, масло, коллаж. 84х30
 ЧЕРНИЦКИЙ Александр Николаевич. 1918
 Автопортрет. 2006. Мозаика. 49х37
 ЧЕРНЫШЕВ Виталий Викторович. 1967
 Двор. 2006. Бумага, масляная пастель. 75х90
 ЧУРИЛОВ Игорь Станиславович. 1959
 Петроградская. Пейзаж с пухтой. 2006. К., м., пастель. 100х50
 ШАГИН Дмитрий Владимирович. 1957
 Весна в Печорах. 2006. Холст, масло. 60х80
 ШАГИНА Татьяна Викторовна. 1958
 Голубь. 2006. Ткань, коллаж. 150х150
 ШАПОВАЛОВ Борис Евгеньевич. 1952
 Композиция. 2006. Холст, масло. 170х85
 ШАРАПКОВ Сергей Николаевич. 1972
 Осень в парке. 2006. Холст, масло. 50х40
 ШАЮНОВА Ольга Васильевна. 1963
 Натюрморт с куклой. 2006. Бумага, акварель. 60х42
 ШИМАНСКИЙ Анатолий Михайлович. 1941
 Голубая мечта. 2006. Б., гуашь, смешанная техника. 50х60
 ШИНКАРЕВ Владимир Николаевич. 1954
 Деревня. 2006. Холст, масло. 50х70
 ШИРОКОЛОБОВ Владислав Иннокентьевич. 1937
 Кочевник. 2006. Каменная масса. Керамика, ангобы. Н30
 ШИХАНОВ Василий Альбертович. 1969
 У стен монастыря. 2006. Холст, масло. 50х70
 ШИХАНОВ Олег Арсеньевич. 1946
 Дождливые сумерки. 2006. Холст, масло. 60х80
 ШМЕЛЕВ Юрий Николаевич. 1948
 Красный сарай. 2006. Бумага, гуашь. 38х61
 ШТЕЙНМАН Анюта (Анна Савельевна). 1970
 Стрекоза. 2006. Холст, масло. 116х76
 ЩЕЛЧКОВА Елена Николаевна. 1960
 Перекресток. 2006. Бумага, цв. монотипия 29х30
 ЩЕРБАКОВ Сергей Прокофьевич. 1956
 На набережной канала Грибоедова. 2006. К., м. 48х35
 ЭВЕРЛИНГ Надежда Альфредовна. 1962
 Цирк. 2006. Коллаж. 150х80
 ЭРСТЕД Наталья Михайловна. 1983
 Подруги. 2006. Бумага, линогравюра. 18х30
 ЮЗЬКО Василий Дмитриевич. 1938
 Огородник. 2006. Холст, масло. 70х40
 ЮЩЕНКО Григорий Сергеевич. 1986
 Суп из трупа. 2006. Бумага, гуашь, акрил. 200х200
 ЯКОВЕНКО Наталья Владимировна. 1981
 Из серии «Кабаре». 2006. Фотография. 30х40
 ЯРОШЕВИЧ Андрей Валентинович. 1969
 Натюрморт. 2006. Оргалит, масло. 54х70
 ЯРОШЕВИЧ Ирина Владимировна. 1943
 Полоскающая белье. 2006. Бронза. 36х21х21
 ЯРЫГИН Алексей Евгеньевич. 1969
 Пейзаж с Большой Медведицей. 2006. Холст, масло. 60х80
 ЯХНИН Марат Матвеевич. 1939
 Он и она. 2006. Холст, масло. 60х80

ПРОЕКТ «600 ГЕКТАРОВ»

Замысел совместного русско-финского проекта родился на мастер-классах по танцу Буту, регулярно проводимых Натальей Жестовской и Григорием Глазуновым в разных уголках Финляндии. С 2002 года на мастер-классы съезжались профессиональные танцоры, художники, музыканты, психо- и арт-терапевты из Хельсинки, Турку, Тампере, Йоенсуу, Ювяскюля, Куопио и других городов. Создалась компания единомышленников, творческому потенциалу которых стали тесны рамки репетиционного зала. Поэтому в 2006 году в августе соло, созданные во время мастер-класса, и небольшие постановочные танцы были продемонстрированы в усадьбе-выставочном комплексе известного финского художника Марку Патила. Свою усадьбу Марку готовит к съемкам нового фильма Аки Кауризмяки (известнейший финский кинорежиссер), также это местечко известно тем, что его прежние хозяева пропили 600 гектаров земли... Атмосфера этого места вызвала определенный настрой, который позволил нам создать перформанс в непростом пространстве, построенный по кинематографическому принципу: танцоры сами выбрали себе пространство для выступления внутри и снаружи старого жилого дома, сарая, развалин сеновала, выставки старинных тракторов и машин, публика имела возможность перемещаться внутрь и наружу, видеть эпизоды соло разных танцоров и «монтировать» свое кино из этих эпизодов.

Следующим местом встречи этой группы станет Манеж, столь радушно открытый такому парадоксальному, непривычно выглядящему современному танцу.

В целом выступление участников группы планируется провести не как обычный концерт или программу, когда один исполнитель сменяет другого на специально отведенном месте для представления. Нет, мы хотим, чтобы все помещение Манежа сделалось единой театральной площадкой, как это было в Финляндии, где публика имеет возможность смотреть то, на что ей интересней смотреть, свободно перемещаясь в пространстве.

Также в рамках проекта мы планируем силами трех художниц: Оньи Айверс (Ирландия), Мерьи Малки (Финляндия) и Екатерины Мележковой (Питер) устроить акцию раскрашивания тел танцоров, которая будет проходить под живой звук замечательных финских музыкантов из группы Kiriina (Финляндия) и, может быть, этими же силами начать создание коллекции костюмов ирландских фей из полиэтилена и других современных легких материалов.

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА:

ТАНЦОРЫ

Наталья Жестовская
Лиана Потила
Тина Эрика Аалто
Григорий Глазунов
Минья Мертанен
Анна Каисса Хирванен
Мария Ильясова
Саара Ханнула
Сейа Сало
Лена Коскинен
Йохана Росси
Хенна Ласорла
Игорь Ламба
Анна Юсилаинен

ХУДОЖНИКИ

Онья Айверс
Мерья Малки
Екатерина Мележкова

МУЗЫКАНТЫ

Сала Сеппа
Тимо Сеппала
Аки Хиетала
Вера Дорн

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР/БЮРО «ФОТОДЕПАРТАМЕНТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ
ФОНДА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФОТОМАСТЕРСКИЕ»
И ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ГАРДЕРОБ ОДНОЙ ДАМЫ

выставка фотографии

Кураторы: Юлия Демиденко, Ольга Корсунова

В основе выставки – подлинный гардероб одной из жительниц Ленинграда. В самых разнообразных вещах – от нижнего белья до шляп, перчаток и пальто конца 1930–1970-х годов – отразились не только время и мода тех лет, но и личные вкусы, пристрастия и образ жизни хозяйки, преподавателя университета. Этот подлинный гардероб был предоставлен в распоряжение петербургских фотографов – и начинающих, и давно признанных мастеров.

Каждый из них проводил фотосессию, не пользуясь услугами стилистов, визажистов и режиссеров – неперенных спутников модной фотографии. Каждому из них удалось счастливо избежать традиционных подходов и точных реконструкций прошлого в духе обложек «Каравана историй»... Каждый нашел свой взгляд на вещи, на женщину и на историю. В работах одних проявилась коллекционерская любовь к предмету. Другие предприняли сентиментальное путешествие в прошлое, отыскав его приметы на петербургских лестницах и даже на центральных улицах в день Первомая. Третьи открыли тайную жизнь вещей. Четвертые полностью погрузились в давно ушедшую эпоху, а для пятых чужая вещь стала лишь поводом заявить о красоте мира. Для шестых деталь старого гардероба стала самоценным художественным объектом... На выставке представлены не только разные творческие индивидуальности, но и разные жанры модной фотографии: портрет, story, натюрморт и т. д., разные принципы работы. В то же время в фотографиях удивительным образом преломились и жизнь самой хозяйки вещей, и история страны. Разные образы, разные судьбы и постоянно повторяющиеся вещи вызывают странное уважение к почти миновавшей эпохе, когда вещи жили дольше, чем люди и значительно переживали своих хозяев. Впервые выставка была представлена в Государственном музее истории Санкт-Петербурга летом 2006 г.

ВЫСТАВКА ПОДГОТОВЛЕНА ПРИ УЧАСТИИ КОМПАНИИ KODAK
Фотографии напечатаны на материалах Kodak Professional Endura
в профессиональном фото центре **FotoLab**, г. Москва

В проекте принимают участие фотографы:

Елена Агафонова, Кирилл Арсеньев, Лилия Бичурина, Николай Буянов, Геннадий Головин, Анастасия Гордеева, Юлия Гребнева, Людмила Григорьева, Елена Дьякова, Евгений Жулков, Наталья Захарова, Татьяна Король, Виктория Катаева, Александр Китаев, Ирина Ковальчук, Полина Мельник, Екатерина Мнацаканян, Юрий Молодковец, Елена Пальм, Надежда Писарева, Андрей Полушкин, Александр Румянцев, Наталья Сизова, Александр Смирнов, Виталий Смирнов, Владимир Чернецкий, Станислав Чабуткин, Андрей Чезин, Родион Юрга.

Фонд и Школа фотографии «Петербургские фотомастерские»

г. Санкт-Петербург, ул. Панфилова, 23, ауд. 8
тел. (812) 913-0498, 915-6916

info@fotomasterskie.ru

www.fotomasterskie.ru

Информационный центр/Бюро «ФотоДепартамент»

Санкт-Петербург, Невский пр., 20,
БИКЦИМ Библиотеки им. В.В. Маяковского
9 921 651 2711, 8 911 999 0305

info@fotodepartment.ru

www.fotodepartment.ru

Геннадий Головин

Станислав Чабуткин

ВЫСТАВКА "НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА"

представляет творчество Объединения архитектурных мастерских - ОАМ

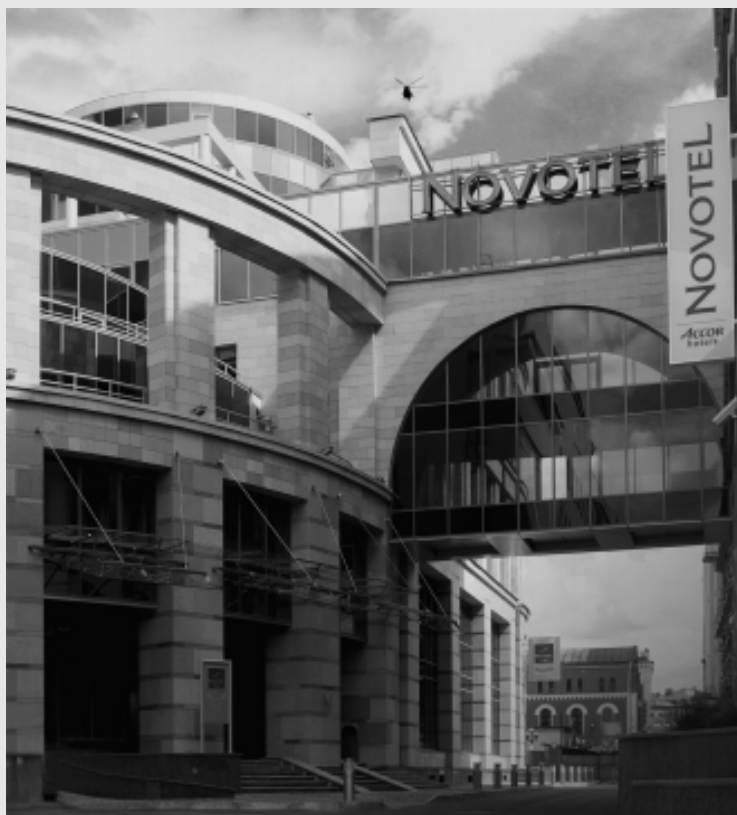
ОАМ - объединение архитектурных мастерских Санкт-Петербурга - образовалось в 2001 году. Одна из главных задач ОАМ - обеспечение возможностей для развития самой архитектуры, стремление к тому, чтобы профессия не мутировала в механистический машинный бизнес.

Важным направлением деятельности ОАМ стало информирование о событиях региональной архитектуры. Сенсационный после полувекового перерыва выпуск воссозданного Ежегодника архитектуры Санкт-Петербурга теперь воспринимается обществом как обыденное и неотъемлемое явление культурной жизни северо-западного региона России. Первый же том Архитектурного ежегодника, а вслед за ним и второй, отмечены Серебряным дипломом Союза архитекторов России.

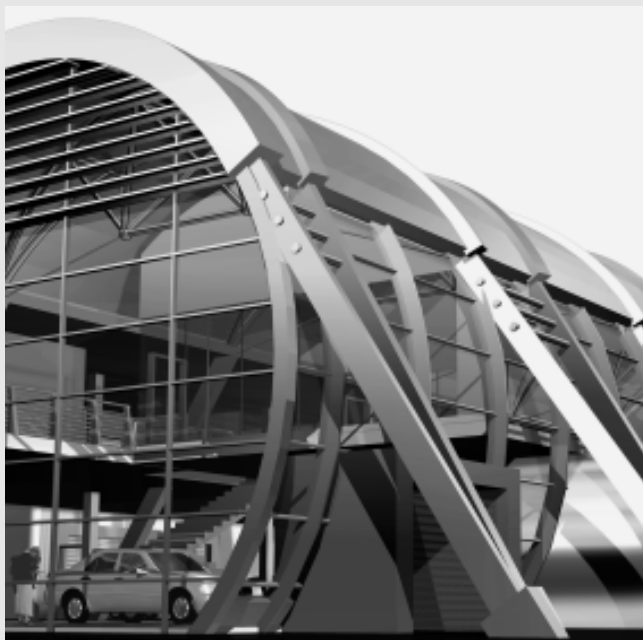
Рожденный из плоти Союза архитекторов, ОАМ способствует, по мере сил, решению Союзом практических задач и, в свою очередь, ощущает весьма ценную поддержку Союза архитекторов, который сохраняет всю мощь своего авторитета, являясь патриархом общественной жизни архитектурного цеха.

Двери штаб-квартиры ОАМ широко открыты для родственных общественных организаций, для представителей сопутствующего архитектуре бизнеса, а также для новых членов, согласных с уставом ОАМ, разделяющих и ценящих его цели и его вклад в профессиональное развитие всего архитектурного сообщества России.

адреса: 44-й

Кира Суворова. Женщина с коробом. 1983. Дерево. 70х30х30
Екатерина Омина. Улица. 2006. Керамика. Н 110

Светлана Карлыханова. Вестник
1990. Шамот. Н 72

Борис Козлов (БАК). Петроградская сторона 2004. Картон, масло. 45х61.

Александр Бихтер. В яхт-клубе 2004. Картон, масло. 30х40

Лариса Голубева. Вокзал. 2006. Холст, масло. 60х80

Анатолий Басин. Две женщины. 2003. Холст, масло. 80х100

Рашид Доминов. Причал. 2006. Х., м. 70х60

Александр Задорин. Римские каникулы. 2006. Х., м., 122х112

Владимир Прошкин. Утро на взморье. 2001. Холст, масло. 47х68

Лариса Астрейн. Пространственная структура. 2006. Х., м. 100х120

Елена Гриценко. Голова. 1990. К., х., м. 34х24

Валентина Соловьева. Отражение. 2000. Б., масл. пастель. 60х60

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВИТА НОВА"

основано в 2000 г. Имеет более 20-ти дипломов и наград, в т.ч. Гран-при конкурса «Золотая книга России» на XV Московской международной книжной выставке-ярмарке (2002). Издательство содействует возрождению в России понятия «искусство книги», - коллекционные издания от «Вита Нова» сочетают уникальные иллюстрации, глубокие комментарии и эксклюзивное оформление.

В 2006 году в издательстве "ВИТА НОВА" вышла книга "Новая жизнь" Данте Алигьери с иллюстрациями Рашида Доминова (тираж 1440 экз. 116 иллюстраций, орнаментов и буквиз).

"В "Новой жизни" Данте все чисто, по-юношески возвышенно и, как в молодости, все ново: чувства, желания, потери близких. Все это происходит с автором, захватывает его полностью: счастье - безгранично, горе - безутешно. Как можно художнику XXI века проиллюстрировать Данте - современника Джотто и других гениев? Стилизовать и по возможности приблизить манеру своих рисунков под ту эпоху? Это значит превратить живого поэта в музейный экспонат. Думаю, что единственное, что может дать право на то, чтобы сделать видеоряд к словам Данте, - это сделать то, что тебе нравится и что тебя волнует сегодня. Вот я и поместил героев "Новой жизни" в атмосферу своих воспоминаний о детстве, театре и в мир художников раннего итальянского Возрождения, который я всегда любил"

/Рашид Доминов/

ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ "ПЕТЕРБУРГ-2005"

ГЕРАСИМОВ Геннадий Вадимович. Осень на Мсте. 2005. Холст, масло. 70х90

ГУБАРЕВА Татьяна Ивановна. Любка. 2005. Холст, масло. 155х105

ДОМИНОВ Рашид Рауфович. Гроссмейстер. 2005. Холст, масло. 150х120

КАМИНЕР Даниил Дмитриевич. Мамонт. 2005. Дерево. Н 150

КАРЛЫХАНОВ Николай Александрович. Сидящая. 2005. Дерево. 90х60х50

КОРНИЛОВ Геннадий Николаевич. Интеллектуал. 2005. Шамот. Н 35

МЕЛЬНИК Андрей Владимирович. Без музыкантов. Свето-видео-перформанс

МОЛОДКОВЕЦ Юрий Алексеевич. Художник Геннадий Устюгов. 2005. Фотопроект

ПИСАРЕВА Галина Демьяновна. Осень. 2005. Холст, масло. 70х40

ЯРОШЕВИЧ Ирина Владимировна. Портрет Юрия Гусева. 2005. Гипс. Н 57

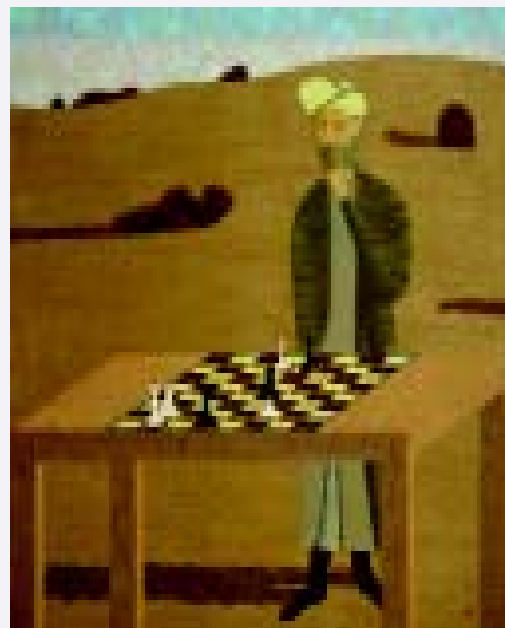
Татьяна Губарева. Любка

Галина Писарева. Осень

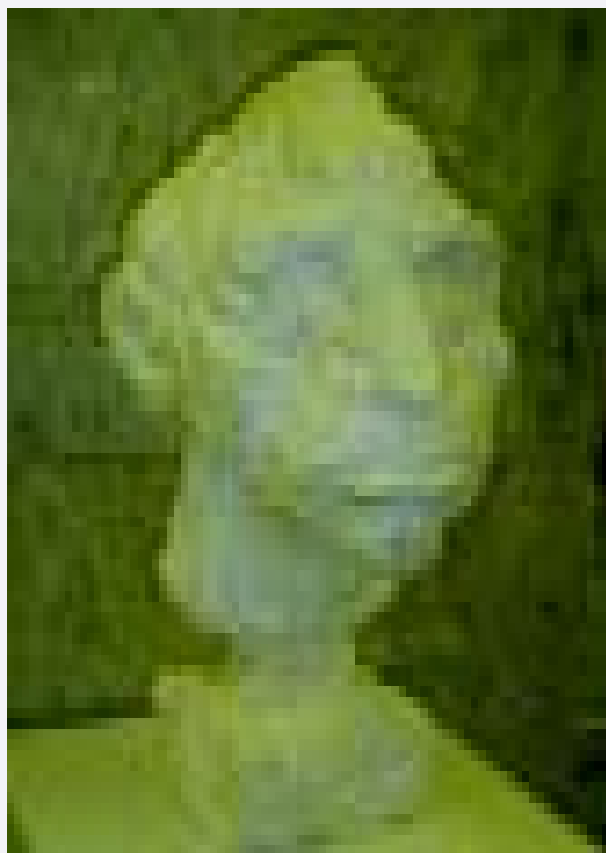

Геннадий Герасимов. Осень на Мсте

Рашид Доминов. Гроссмейстер

ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ "ПЕТЕРБУРГ-2005"

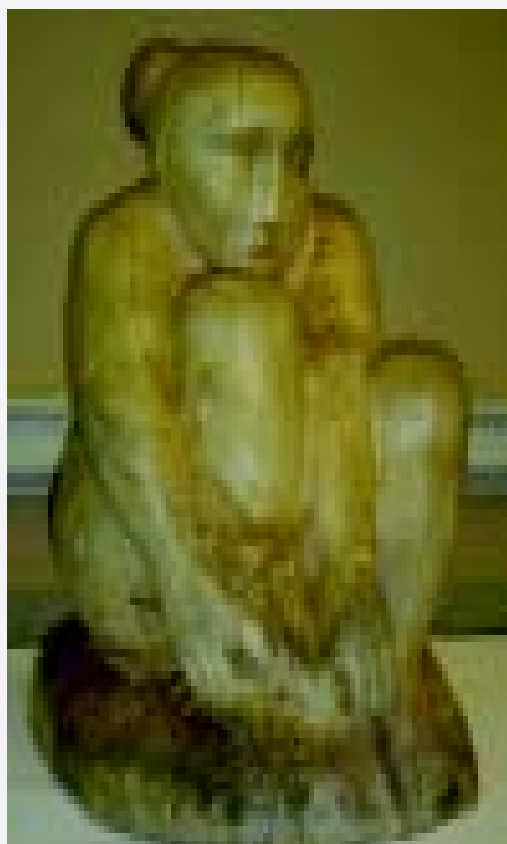

Ирина Ярошевич. Портрет Юрия Гусева

Геннадий Корнилов. Интеллектуал

Николай Карлыханов. Сидящая.

Даниил Каминкер. Мамонт

ПУБЛИКАЦИИ

ВАЛЕРИЙ САВЧУК

ИКОНИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

В наше время перепроизводство визуальной продукции достигло столь небывалых масштабов, что перестроило критерии оценки событий: мы чаще доверяемся не букве и слову, а визуальному образу. Начало этой тенденции обнаружил в 30-е годы XX века ученик Гуссерля и Хайдеггера Гюнтер Андерс, усмотревший в ней «икономанию», а современный теоретик искусства Готфрид Бем предлагает термин «иконический поворот»¹: Можно ли говорить и в каком смысле об «иконическом повороте? Не сопровождается ли обращение медиатеоретиков и философов в решении актуальных вопросов к образу, игнорированием языка, который к 1980 годам согласно Ж.-Ф. Лиотару обрел статус реальности как таковой, ибо даже «научное знание — это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов, парадоксологи — вот явные свидетельства и список этот неисчерпан» (Жан-Франсуа Лиотар. Состояние постмодерна, 1979)? Итак, лингвистический поворот подразумевал, что все вопросы философии — это вопросы языка. Иконический поворот подразумевает, что в истоке формирования актуальной реальности исключительно роль образа, воздействующего на этико-политическую и экономическую составляющую жизни.

После того как изображение стало возможно не только *репродуцировать*, но и *обрабатывать* (вначале эти возможности дает фотография, а сегодня, стократ увеличив, цифровой способ обработки изображения), степень манипуляции визуальным документом возросла. Конструкция *объективного* отображения или изображения реальности утратила фундамент. Референт изображения оказывается под вопросом. Идея адекватности отступает перед свободным выбором представления одной и той же реальности, таким образом хайдеггеровское *представление* реальности получает иконическое развитие. Мы не интерпретируем то, что видим, мы видим то, что представляем. Реальность выступает лишь как архив или склад, откуда отбирается или заказывается необходимое для производства образов. «Дайте мне образ, и я переверну мир», — такова максима, выражающая существо иконического поворота в западной

цивилизации. К тому же она говорит о том, что к фигуре интеллектуала, владеющего умами современников, добавляется фигура культурала, успешно претендующая на (о)владение взглядами зрителей.

Если для Л. Витгенштейна «Образ есть модель действительности», то ныне в нем усматривают самостоятельную реальность. Мультикультурный и многоуровневый характер производства визуальной реальности стал довлеющим. В этом контексте существо фотообраза как визуального образа эпохи новых медиа — одна из наиболее актуальных тем. Здесь скрещиваются интересы философов и теоретиков искусства, антропологов и медиа-теоретиков. В истории проблемы более или менее достигнут консенсус: реальность визуального образа, которая не подвергалась сомнению в традиционных обществах, становится в эпоху модерна посредством механизма десакрализации «отражением реальности» (сильные иллюзии породила впервые фотография), а затем в постмодерне — и самостоятельной реальностью, часто определяемой как сверхзначимая.

Эволюционировала и трактовка образа. Если результаты *понимания* мира в новоевропейской культуре стали соотносить с картиной мира, то *изображение* реальности стали отождествлять с картиной. *Привходящие* значения художественного образа (то есть те, которые не входят в изобразительные искусства) отданы на откуп неизобразительным искусствам: танцу, музыке, поэзии и т. д., которые не столько отражают мир, сколько *выражают состояние* человека. Вобрав в себя миф, порожденный оптикоцентричной перспективой, художественная картина мира — один из важнейших символов западной культуры — стала прямо и непосредственно соотноситься с живописью. Завершенность и неизменность художественной картины — важный конструкт европейской самоидентификации и условие функционирования ее в качестве шедевра, то есть товара, год от года повышающего свою стоимость. Спросим себя, что питает (по сей день) идею неприкосновенности уникальной картины? Ведь документация происходящего идет перманентно, и мы имеем возможность *видеть случайные события*, например, как самолет 11 сентября 2001 года врывается в башню, картины взрыва стоят у нас перед глазами, воздействуя с такой силой, о какой не могли и мечтать ни автор «Герники», ни автор плакатов РОСТА.

Во всех определениях современности позиция визуального образа неизменно лидирует. У нее есть история. Согласно Х. М. Маклюэну, с каждым

исторически значимым открытием, с технологическим прорывом появляются новые «эпистемологические метафоры, структурирующие и контролирующие способы нашего мышления». Аристотель в первых словах своей «Метафизики» указал на то, что люди от природы имеют влечение к чувственным восприятиям и ценят они «больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям»². Печатная революция, начавшая отсчет с изобретения Гуттенберга, не только рассеяла политическое и физическое тело, освободив голос от настоятельной необходимости присутствовать в своем физическом воплощении, но также и спровоцировала напряженный дисбаланс между устной и письменной речью с последующей консолидацией визуального пространства в качестве доминирующей метафоры окультуривания». В результате рождается эпоха «оптикоцентризма». В ее пространстве основную роль играет «представление», характеризующее «мировоззрение» человека в целом, а понятия «рассмотреть», «увидеть» являются синонимами «исследовать», «анализировать», утверждение же «я вижу» тождественно «понимаю», «подтверждаю», «соглашаюсь», а термин «умозрение», вопреки бытию *по мнению* характеризует бытие по истине, отсылая к *ненаглядному* познанию, непосредственно указывает на зрение, как, впрочем, и устойчивый оборот «в работе/исследовании *отражено*».

Из Вульфа

Исходя из этих соображений, миметическое обращение с образами искусства может передавать иконический опыт. Миметические процессы нацелены на «воссоздание» образов с помощью зрения и на запись их во внутреннем мире образов с помощью способности воображения. Воссоздание образов — это процесс миметического усвоения, записывающий образы в их образности в мир представлений и воспоминаний. Миметическая обработка образов нацелена на усвоение их образности, данной до, при, после и вне всякой интерпретации. Когда образы восприняты и записаны во внутренний мир образов, тогда они образуют отправные точки для толкований, которые в ходе жизни постоянно изменяются. Независимо от данных на сей момент интерпретаций повторное миметическое обращение с образами — это акт усвоения, даже познания. Он включает концентрацию и готовность к воссозданию воображаемых образов, и снова и снова требует «освежения» благодаря зрительной встрече с реальными образами или их репродукциями. В миметической встрече отказываются распоряжаться образами. Зрительное воссоздание их форм и цвета требует

оттеснения на второй план образов и мыслей, возникающих во внутреннем мире зрителя; оно требует фиксации образа в поле зрения, открытости его образности и доверия ему. Миметический процесс состоит в том, чтобы зритель уподобил себя образу с помощью зрительного воссоздания, записал его в себе и благодаря этому образу расширил свой внутренний мир образов³.

В миметическом усвоении образа можно различить две переходящие одна в другую фазы. В первой фазе образ находится перед глазами зрителя, во второй он уже записан во внутреннем мире образов. В первой фазе речь идет о преодолении механического видения, схватывающего образы как и другие предметы и отделяющегося от них «галочкой—ознакомлен». Видение, направленное на ориентирование и распоряжение представляет собой защиту от чрезмерных требований образов. Это видение включает редукию возможностей видения. В акте осознанного миметического видения целью является развитие способности видеть. Сюда относятся пребывание около предмета, преодоление привычного и открытие непривычного. С этой точки зрения миметическое усвоение образов и предметов — это замедляющий элемент, направленный на «затронутое схватывание». Во второй фазе образ вследствие миметического видения является уже частью внутреннего мира образов. Только теперь происходит миметическое «уподобление» образу. Оно с необходимостью незавершенно и может снова и снова достигать новых градусов интенсивности. Запечатление в представлении того, что стало таким образом внутренним, тренирует способность концентрации, а вместе с ней и силу воображения. Поскольку образ репродуцируется только воображаемо, то он должен все время заново восстанавливаться вопреки присущей ему неизбежности исчезновения и удерживаться вопреки потоку всплывающих во внутреннем мире «образов-помех». Эта деятельность воображения миметична и представляет собой элемент всякого креативного производства образов.

¹ Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder/Was ist ein Bild? Hrsg. von Gottfried Boehm. Munchen, Wilhelm Fink Verlag, 1994. S. 17-19; Belting, Hans: *Bild-Anthropologie. Entwurfe fuer eine Bildwissenschaft*, Munchen 2001. Следует указать, что одним из авторов концепта Iconic Turn считается Mitchell W.J.T. *Iconology: Image, Text, Ideology*. Chicago, 1986; derselbe: *Mitchell W.J.T. Picture Theory*. Chicago, 1994; Mitchell W.J.T. *Der Pictorial Turn. /Privileg Blick. Kritik der visuellen Kultur.* / Cristian Kravagna (Hg.), Berlin 1997, S. 15-40

² Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4-х тт. - Т. 1. М.: Мысль, 1976. - С. 65.

³ В таких формулировках как «внутренний мир образов», «уподобление образу» и им подобным речь идет о метафорическом употреблении выражений.

БОРИС ТАЙГИН

“МУЗЫКА НА РЁБРАХ”

История, о которой я вкратце попытаюсь рассказать, легендарная по своей сути, в какой-то степени была известна старшему поколению горожан — своеобразным сочетанием слов странной па первый взгляд фразы: “Музыка на рёбрах”! Предыстория этой “Музыки на рёбрах” восходит к концу 1946 года, когда на Невском проспекте, в доме №75 — артелью “Инкоопрабис” — была создана студия “ЗВУКОЗАПИСЬ”. Инициатор этого интересного нововведения, ещё незнакомого горожанам, был талантливый инженер-самородок Станислав Казимирович Филон, который привёз из Польши немецкий аппарат звукозаписи фирмы “Телефункен”. На этом диковинном аппарате предусматривалось механическим способом вырезать на специальных полумягких дисках из децилита звуковые бороздки, то есть фактически создавать граммофонные пластинки, причём не только копировать фабричные пластинки, но и производить запись непосредственно через микрофон! Студия и была открыта под вывеской “Звуковые письма”: люди приходили в студию и наговаривали через микрофон какую-либо короткую речь, либо напевали под гитару, аккордеон или пианино какую-то песенку. (Разумеется, децилитовых дисков не имелось, и записи производились на специальной мягкой плёнке, имевшей своё основное назначение как плёнка для аэрофотосъёмки). Всё вышесказанное было лишь ширмой, официальным прикрытием. Главное же дело, ради чего и была рождена эта студия, было в изготовлении нелегальным путём так называемого “ходового товара” с целью его сбыта. (Как теперь сказали бы — «с целью бизнеса».) Что для этого делалось? После окончания рабочего дня, когда студия закрывалась, как раз и начиналась настоящая работа. Заполночь, а часто и до утра переписывались — (в основном, на использованные листы рентгеновской плёнки, на которой просматривались черепа, рёбра грудной клетки, кости прочих частей скелета) — джазовая музыка популярных зарубежных оркестров, а главное — песенки в ритмах танго, фокстрота и романсов, напетых по-русски эмигрантами Первой и Второй волны эмиграции из России. В это число попал и Александр Вертинский, вернувшийся в Россию ещё в 1943 г., пластинки которого находились в те годы под запретом. Также писали песни с пластинок 20-х годов, исполненные

молодым Леонидом Утёсовым — такие, как “Гоп со смыком”, “Лимончики”, “Мурка” и другие из подобного репертуара. В числе зарубежных исполнителей, певших на русском языке, были такие известнейшие имена, как Пётр Лещенко, певший иногда со своей женой Верой Лещенко, Константин Сокольский, Владимир Неплюев, Леонид Заходник, Юрий Морфесси, Иза Кремер, Мия Побер, Алла Баянова. Писали и ансамбли гастролировавших по странам Европы цыган, певших на русском языке, среди которых особенно славились парижские цыгане, где солистами были Владимир Поляков и Валя Димитриевич. Имели спрос и песни, напетые в 30-е годы Вадимом Козиным... По утрам, в назначенное время, приходили с чёрного хода сбытчики-распространители, получали десятки готовых пластинок, и этот “товар” шел “в люди”. Музыкальный “железный занавес” был сломан!

Пластинки с пением Петра Лещенко и Константина Сокольского, как нельзя лучше, завладели самыми сокровенными уголками моей души, ибо резко контрастировали с музыкальной советской фальшью! Я мог часами наслаждаться слушанием мелодичных танго и бархатным баритоном Петра Лещенко! Но для постоянного пополнения такой музыкальной коллекции денег бедному студенту брать практически было негде. Хорошо, что еще как-то хватало на питание! И вот однажды, находясь в очередной раз в студии у Станислава Филона, я познакомился там с таким же любителем песен Петра Лещенко, молодым человеком Русланом Богословским. Как потом оказалось, моим сверстником. После нескольких встреч и закрепления дружбы он поделился со мной своей мечтой: «Хорошо бы самим иметь звукозаписывающий аппарат, и, ни от кого не завися, делать такие же пластинки!» Я эмоционально поддержал эту идею, хотя верил в ее реализацию весьма слабо. Однако, Руслан оказался «человеком дела». Внимательно изучив в студии Филона принцип работы аппарата и сделав ряд необходимых замеров, Руслан сделал рабочие чертежи, после чего нашел токаря-универсала, взявшегося изготовить необходимые детали. Короче говоря, летом 47 года, великолепный самодельный аппарат для механической звукозаписи был готов! Всё остальное приобрести уже не представляло

особой трудности: в поликлиниках города годами копились подлежащие уничтожению старые рентгеновские снимки, и техники были только рады, что освобождались от необходимости периодически сжигать плёнки; металлические резцы Руслан вытачивал сам, а резцы из сапфира приобретались на знаменитой “толкучке” у Обводного канала.

Уже первые музыкальные пленки потрясли нас как качеством звучания, так и простотой изготовления! Эти пластинки ничем не уступали Филоновским, и Руслан не преминул принести в студию несколько таких пластинок – похвалить качеством и подтвердить, что монополия Филона лопнула! Тот понял опасность возникшей конкуренции, но было уже поздно: началась торговая война. Филон «рвал и метал», но рынок сбыта был победно завоеван Русланом. Однако, Руслан понимал, что останавливаться на достигнутом ни в коем случае нельзя, и борьба за качество продолжалась. Кроме меня, делавшего из рентгеновских плёнок круглые диски-заготовки с дырочкой в центре для будущих пластинок, да иногда писавшего тексты уличных песен — для их пения под гитару через микрофон Руслан привлек к постоянному участию в процессе изготовления пластинок своего приятеля Евгения Санькова — профессионального музыканта, в совершенстве владевшего аккордеоном (кроме того, он был очень высокого класса фотографом-репродукционистом). Это для Руслана была поистине двойная «золотая находка»: Евгений с удовольствием включился в деятельность нашего коллектива, который я предложил впредь именовать студией звукозаписи «ЗОЛОТАЯ СОБАКА», изготовив для этой надписи резиновый штамп - на каждую изготовленную Русланом пластинку ставили такой оттиск. Это было важно ещё и потому, что в городе стали расти, как грибы, кустари-халтурщики, пробовавшие на каких-то приспособлениях делать мягкие пластинки. Само собой, их качество не лезло ни в какие ворота: кроме сбивки бороздок, нарушенной скорости и хрипа с шипением, их продукция ничего не издавала, но новичок об этом узнавал лишь придя домой и поставив такое изделие на проигрыватель... А со штампом “ЗОЛОТАЯ СОБАКА” пластинки как бы имели гарантию качества, и очень скоро потенциальные покупатели поняли и оценили такое новшество: пластинки Руслана всегда шли нарасхват. Вскоре Евгений Саньков предложил новшество, которое, можно смело сказать, произвело своеобразную революцию

в деле изготовления мягких пластинок: он предложил, предварительно смыв с пленки эмульсию с изображением ребер, наклеивать образовавшуюся прозрачную пленку на изготовленный фотоснимок, причем пленка автоматически приклеивается к фотоснимку за счет эмульсии на этом снимке. А потом — вырезается круг, делается запись, и пластинка готова! Вместо дурацких ребер — на более прочной основе — любого вида фотоизображение. Выигрыш двойной: достигнута прочность и великолепный внешний вид. Не удержавшись от тщеславного хвастовства, Руслан снова пришёл в студию к Филону и показал такую пластинку. Филона в первую минуту просто бросило в шок, но, вовремя опомнившись, он изобразив наивность, спросил, как такое достигнуто? Руслан раскрыл секрет и, естественно, в скором времени в студии на Невском вместо зеленой аэропленки появились пластинки с изображением Медного всадника и надписью по кругу: «Ленинградская студия художественной звукозаписи». И все же качество записи студийных пластинок оставляло, как говорится, желать лучшего.

Шло время. Город постепенно наводнялся зарубежным джазовым репертуаром и песенками, напетыми по-русски зарубежными исполнителями. Так прошли 1947, 48, 49, заканчивался 1950 год. Приближался ноябрьский коммунистический праздник. И вот, 5 ноября — с раннего утра и до позднего вечера — по всему городу шли повальные аресты всех тех, кто, так или иначе, был причастен к изготовлению или сбыту «музыки на ребрах». Буквально все кабинеты ОБХСС — на Дворцовой площади, куда свозили всех арестованных, а также конфискованные звукозаписывающие аппараты, пленки, зарубежные пластинки-оригиналы и все прочие атрибуты, были заполнены.. Арестовано в этот черный день было, говорят, человек 60 или более того. Кто-то был в ходе следствия выпущен. Также все арестованные были разделены на отдельные группы. Спустя 11 месяцев нахождения под следствием, нас троих - Руслана Богословского, Евгения Санькова и меня, - объединили в группу и осудили одновременно, в сентябре 1951. В одном из пунктов обвинительного заключения мне инкриминировали «изготовление и распространение граммофонных пластинок на рентген-плёнке с записями белоэмигрантского репертуара, а также за сочинение и исполнение песен, с записью их на пластинки, хулиганско-воровского репертуара в виде блатных

песенок». Сегодня такое обвинение я бы посчитал по меньшей мере смехотворно-издевательским, кощунственным и не стоящим выеденного яйца! Но, увы, пятилетний срок мне все-таки был присуждён. (Евгений Саньков тоже получил 5 лет. Руслан Богословский отделался тремя годами) Так или иначе, но следует признать, что властям на некоторое время удалось остановить производство вышеупомянутых граммофонных пластинок.

Освободившись из заключения по Амнистии 1953 года, все мы вскоре опять встретились. Руслан по сохранившимся чертежам восстановил звукозаписывающий аппарат, и возрожденная «ЗОЛОТАЯ СОБАКА» с новыми силами и удвоенной энергией приступила к творческой работе. Усовершенствованный Русланом аппарат мог теперь — шагая в ногу со временем — писать и долгоиграющие пластинки, имеющие 33 оборота в минуту! Филон посчитал это новшество излишним и по-прежнему писал пластинки со скоростью 78 оборотов в минуту: это было быстрее и проще в изготовлении. Тем более, изголодавшиеся за период нашего вынужденного отсутствия, любители этих музыкальных жанров покупали любые пластинки без особых претензий!

Но 1957 год опять принес огорчение Руслану: он вновь был арестован по доносу предателя-осведомителя, втершегося в доверие как сбытчик... Отсидев 3 года в лагере «Белые Столбы» под Москвой, он возвратился в Петербург и, собрав друзей, в третий раз восстановил деятельность легендарной «ЗОЛОТОЙ СОБАКИ»! Но эти три года прошли для Руслана даже с некоторой пользой, если верить пословице: «Нет худа без добра». Дело в том, что у Руслана было достаточно времени для досконального изучения специальной литературы, рассказывающей во всех подробностях о технике изготовления щелочных полихлорвиниловых граммофонных пластинок на заводах соответствующего профиля. На торжестве первой встречи Руслана после его трехлетнего отсутствия он нам загадочно объявил, что параллельно с возобновлением перезаписи долгоиграющих мягких пластинок он будет готовиться к изготовлению настоящих, как делают их на заводе, твердых пластинок. Мы от удивления пооткрывали рты, ибо сделать заводскую пластинку в домашних условиях нам казалось невероятным! Но конец 1960 года опроверг наши сомнения: в одну из наших «рабочих

встреч» Руслан показал нам две небольшие заводские пластинки, имеющие в центре огромные дырки (такие пластинки - на 45 оборотов в минуту - применяются в музыкальных автоматах, устанавливаемых, как правило, во многих зарубежных кафе). Никакой этикетки на них не было. Поставив их на проигрыватель, мы услышали неподражаемого Луиса Армстронга, исполняющего под джаз «Очи черные» и «Человек-нож». А на другой пластинке были рок-энд-роллы в исполнении джаз-оркестра Билла Хэлли. Пластинки были абсолютно как заводские, разве что не было этикетки! «Вот,- сказал Руслан,- что можно сделать в домашних условиях, если иметь светлую голову, золотые руки, верных людей и соответствующую технику: гальваническую ванну, плунжерный насос, соединенный с прессом и, конечно, оригинал, с которого требуется скопировать матрицу. Восхищению и восторгу нашему не было предела! Фактически, это еще одна революция, и еще один гигантский шаг вперед в деле изготовления пластинок в домашних условиях. Пластинок, да еще каких — полностью идентичных заводским! Поскольку первый опыт был принят на ура, то было решено по возможности доставать стоящие внимания зарубежные пластинки оригинала и снимать с них матрицу. Естественно, Евгений Саньков изготовил соответствующие заводским оттискам этикетки, и новое дело получило восхищенное признание первых владельцев этих удивительных пластинок.

На этот раз «ЗОЛОТАЯ СОБАКА», одновременно выпуская как мягкие, так и твердые пластинки, просуществовала чуть больше года. Органы ОБХСС, предварительно выследив нового помощника Руслана, - некоего Юманкулова, задержали его и вынудили признаться о деятельности Руслана, что касалось изготовления пластинок, во всех подробностях, после чего, тщательно подготовившись, арестовали Руслана как раз в момент процесса изготовления твердой пластинки. На этот раз судили Руслана показательным судом, состоявшимся в Доме техники, что на Литейном пр., 62. И опять Руслан получил три года. Юманкулов же отделался условным сроком наказания.

После наступления «Хрущевской оттепели» многие запреты в стране были сняты. В частности, в музыкальных магазинах стали появляться пластинки с танцевальными и

джазовыми мелодиями. Но главное — в продаже появились различные модификации новой техники, именуемой магнитофонами. Они за баснословно короткий срок полностью вытеснили мягкие пластинки. Эпоха “музыки на ребрах”, после 15-ти лет победного шествия, окончательно закончилась, уступив свой насыженный трон новому властителю умов — м а г н и т о ф о н у . Началось повальное увлечение записями и перезаписями на ленты магнитофонов, коллекционирование записей, составление фонотек.

Но в период 1946 - 1961 годов в больших городах России центральное место на “музыкальном фронте” занимали мягкие граммофонные пластинки, изготовленные на рентгеновских пленках. <..>

И сам Руслан Богословский, ставший живой легендой как патриарх этой эпохи, бесспорно, останется в истории борьбы с тоталитарным режимом — через распространение лирической музыки и джаза, то есть той музыки, которой как воздуха не хватало послевоенному поколению молодежи!

В конце 50-х годов молодой инженер-электронщик, приобретший себе магнитофон МАГ-8, а заодно, под руководством Руслана, сконструировавший звукозаписывающий аппарат — Виктор Смирнов — тоже серьёзно увлёкся разными экспериментами на звукозаписывающих приборах, но не ради наживы и “левых” заработков, а ради самого процесса записи! Таким образом, он с удовольствием записывал пение обладателя бархатного баритона Сержа Никольского, которому аккомпанировали трое его друзей — гитаристов. Серж Никольский пел городские и цыганские романсы, а также мои тексты, положенные на мелодию танго. Все эти записи относятся к периоду с 1959 до 1966 года. Но уже в начале лета 1962 года я привел к Виктору моего знакомого коллекционера зарубежных пластинок Рудика Фукса, который в свою очередь привел с собой поющего лирическим тенором молодого человека — Аркадия Звездина. Тот имел с собой гитару. Не откладывая дела в долгий ящик, сделали несколько записей. Записи всем понравились, и тогда Рудик решил подобрать тексты разных песен и романсов и сделать запись целого концерта! Вскоре выбрали для всех удобный день. И пришли друзья Рудика - аккордеонист, ударник, Аркадий со своей гитарой и ещё один

гитарист. Разумеется, были несколько бутылок водки и разная холостяцкая закуска. Запись пения Аркадия длилась практически весь тот памятный день, правда, с перерывами для возлияний. Именно в этот июньский день 1962 года было придумано для Аркадия его артистическое имя - А р к а д и й С е в е р н ы й (после нескольких предложенных вариантов - прошел предложенный мной!) Этот псевдоним моментально прижился и, как показало время, сегодня вся большая Россия именно под этим именем знает этого неповторимого и популярнейшего исполнителя своего специфического репертуара. Можно сказать, что Аркадий Северный был одним из первых, с кого началась эпоха распространения популярной в народе музыки через магнитофонные кассеты!

Но в страшные годы окончания тоталитарной сталинской власти, Руслан Богословский, не убоявшись потенциальных мерзавцев, трижды пройдя через тюрьмы и лагеря, совершил великий подвиг, фактически став первопроходцем, пробившим огромную брешь на заплесневевшем идеологическом советском заборе, и своими мягкими пластинками смог расшевелить обывательское болото, в котором солнечным лучом засверкали музыкальные шедевры незаидеологизированной музыки. Брешь оказалась столь огромной, что этот забор на рубеже 1960 года упал и разрушился!

*Из доклада Бориса Тайгина на конференции
«50-е годы: общество против тоталитаризма»
1 марта 1996 года*

ПРОЗА

ТАТЬЯНА МОСКВИНА

ЗА ОБОРОНУ ПАМЯТИ

Когда Санкт-Петербургу вернули его имя, город Ленинград стал медленно и неотвратимо таять. Русские редко умеют ценить и беречь свое прошлое, им ведь обязательно надо «до основания, а затем...» Вот и Ленинград срыдают «до основания». А между тем, в обыденной материальной культуре Петербурга советского периода было много своеобразного, печального очарования.

Эти пышечные, пирожковые, пельменные, рюмочные... пивные ларьки... магазины старой книги, дешевые антикварные лавочки... комиссионные... дворцы и дома культуры, под завязку забитые всякими кружками, и - обязательно - с активной театральной самодеятельностью... все это уходит в никуда.

Дворец культуры Первой пятилетки - я в восьмом классе поступала там в театральный кружок под руководством товарища Подберезовикова, читала стихотворение Лермонтова «Я не унижусь пред тобою», позже смотрела гениальный спектакль Васильева «Взрослая дочь молодого человека», потом в «пятилеточке» долго выступала чудесная труппа «Комик-трест»... - снесен. Решили - здесь будет вторая сцена Мариинского театра. Значит - надо уничтожить человеческую память, ясное дело.

Снесен и Дворец культуры имени Капранова у Московских ворот - тихо-спокойно, без объяснений уже, для чего и зачем это делается.

Нет и Кировского стадиона. Выселен Исторический архив. Куда ни глянешь - тут снесено, там выселено, все ради каких-то великих, вероятно, целей. Сияние этих целей пока существует только на бумаге - а дыры безжалостного уничтожения зияют прямо сейчас.

Пирожковая на углу Литейного и Белинского, где я студенткой Театрального ела вкусные и дешевые пирожки - закрыта. Закрыт и славный «Букинист» - форпост старой книги, приют добродушных маньяков-читателей. Опустили витрины «Художественных промыслов» на Невском, где я однажды купила дивной красоты платок с ручной вышивкой... Нет половины скверов, где я гуляла, и оставшаяся половина трепещет и ждет неминуемой участи: из каждого сантиметра исторического центра будет выжата

прибыль. На глазах пропадает моя родина, моя память, моя жизнь - и она же родина, память и жизнь миллионов людей.

Вместо моего любимого магазина «Рыба» на площади Льва Толстого, где в отделе свежей рыбы работал ужасно симпатичный продавец, теперь открыли бутик, где продается мерзкая претенциозная одежда для тощих дьяволиц. Все как у всех, все как у больших. По мнению администрации - очень мило и европно. Это главная идея сегодняшней администрации Петербурга - чтоб было европно.

Я не знаю, эти люди вообще были в Европе, нет? Видели маленькие лавочки, магазинчики, которым по двести-триста лет? Трогали вековые деревья в центре столиц? Ступали по камням, чей покой никто не смеет нарушить? Городская среда Петербурга изменяется только в одном направлении - к худшему, и изменяется не каждый день, а каждую минуту. Вот я сейчас пишу эти строки, а где-то срубают дерево, закрывают магазин, застраивают какой-нибудь милый уголок непарадного, трогательного пейзажа. Ужасное чудо: потерять родину, не покидая родины...

Я помню город Ленинград, начиная с шестидесятых годов, это был печальный город, как будто с трудом приходящий в себя после смертельной болезни. Бедный, чистый. С дурацкими красными тряпочками и агитационными буквами на фасадах - но всего этого было в десять раз меньше, чем современной рекламы. Долгое время, до последних лет - зеленый, с множеством садилов и сквериков. С милым нелепым животным-трамваем. С плохими магазинами. С очень серьезными милиционерами. С детьми, спокойно играющими во дворах без присмотра... Исчезновение Ленинграда можно было бы как-то извинить при одном условии: если бы подавляющему большинству людей стало жить лучше, но этого не произошло, да и не могло произойти...

Хожу по городу, ишу неизуродованные новоделом места. Их еще много, но чаще натыкаешься на порчу. Вот опять впендюрили огромный домище без меры, без вкуса, - в

Советский переулок, на пересечении с Пятой Красноармейской. Я там рядом училась восемь лет. Ничего, ничего не найти - ни кафе, ни магазинчика родного... Улица Правды - где она? Кудрявая, нечеловечески самоуверенная дама-архитектор недрогнувшей рукой изменяет трехсотлетний ландшафт Петербурга и страшно удивляется, когда ее скопище мелких пластических уродств - «пешеходную зону» - люди с улицы Правды (то есть не привыкшие врать) так и называют: скопищем уродств...

Дело не в обычных временных изменениях, которые неизбежны. Дело в резком, катастрофическом и уродливом сломе всего стиля и даже сути жизни.

«Распалась связь времен»- сетовал принц Гамлет. Почему-то все издевающиеся над этой пьесой режиссеры даже не пробуют вдуматься в слова умного принца. Что такое - распад связи времен? А это то, что мы видели и видим своими глазами. Жизнь не развивается естественным образом, сохраняя старое, приращивая новое, а как будто вдруг обрывается, как сон. И один сон сменяет другой без всякой связи. Один мираж заменяется другим миражом. Как будто из времени выдернули стержень смысла. Ленинград исчезает на наших глазах, заменяясь Новопитером, который сейчас вроде как на коне, - он пыжится и тужится, он сияет всеми своими мраморами, надстраивает, обустривает и перестраивает, и врет, врет без конца и краю, и уверен, что конца и краю этого не будет.

Нет, мои милые. Если вы так легко и беспечно отправляете на свалку жизнь ваших отцов и дедов, точно так же, с той же легкостью, отправят на свалку вас самих и всю вашу жизнь. И офисы ваши прорастут лопухами, и обрушатся ваши надстроенные мансарды, и на руинах ваших фитнесов напрасно будут вращаться беговые дорожки... И небоскребы бизнес-центров пойдут трещинами, и все ваши памятники пойдут в переплавку, и ветер на помойке станет лениво шелестеть листьями ваших глянцевых журналов...

Ф.М.Достоевский писал, что, видимо, есть «химическое соединение духа с родной землей». Химическое соединение чело-

веческих душ с Ленинградом сейчас распадается. От этого больно. Дайте нам поплакать! Слушай, Ленинград, наш реквием!

В городе появилось новое чудачество, своеобразные «дайверы», отыскивающие в новоделном дорогушем Петербурге родимые пятна Ленинграда - рюмочные, магазинчики «Галантереи», где можно купить такой редкий товар как нитки или ножницы, старые «Канцтовары» с человеческими ценами. Писатель Павел Крусанов нарыл на Пушкинской улице одно такое местечко и, ликуя, повел туда друзей. Мы перешагнули порог и ахнули от изумления: мы оказались внутри 1989 года. Водка в граненом мухинском стакане за сорок рублей сто грамм, огурец соленый четыре рубля, яйцо вареное пять рублей. Деревянные столы, крашенные морилкой. На стенах акварели неизвестного. В углу два игровых автомата образца 1988 года. Белая грязная собачка-дворняжка с умной мордочкой... Сели, выпили и заплакали, как эмигранты, которые в чужой земле отыскивали кусочек родины.

Сохранение Ленинграда и памяти о нем должно стать программой сотен и тысяч людей. Ленинград следует срочно рисовать, фотографировать, записывать. В нем было плохое, ненужное, вредное, пошлое - но было и хорошее, ценное, поэтическое. По русскому обычаю, уничтожают именно хорошее и поэтическое...

И город нашей памяти исчезает. Мы исчезаем, собственно говоря.

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

РАВЕНСТВО ОВОЩЕЙ

(фрагмент романа)

Идея принадлежала Роме Ермакову – человеку из племени вечно молодых людей, лишённых склонности к определённому роду занятий. Некогда, после трёх курсов университета и двух лет армии, в качестве божьего персонажа он подвизался в «Галерее-103», благоденствовавшей в шальные времена перемен на приснопамятной Пушкинской, 10. Исключительно в силу неброской, но изысканной аллитерации, заключённой в его имени и фамилии, товарищи звали Рому Ермакова «Тарарам». Именно он, Рома Тарарам, в расшитой бисером шапочке на голове первым вышел сегодня голым на панель улицы Марата.

Сейчас Тарарам зарабатывал себе на чай с карамелькой тем, что служил посыльным в цветочном тресте «Незабудка», – Рому сразу прельстило это место, поскольку он был твёрдо уверен: добрых вестников не убивают, а наоборот – могут даже налить. Именно в тресте «Незабудка», где, ожидая в похожем на оранжерею торговом зале, когда флорист изобретёт букет, заказанный для доставки по очередному адресу, в голову Роме пришло соображение весьма необычного свойства.

Рому уже давно тяготило скверное состояние мира, которое почти полвека назад было описано ситуационистом Ги Дебором как презренное *общество зрелища, общество спектакля*. Он чувствовал себя чужим в обывательской вселенной маленьких людей, эврименов, добровольно, за чечевичную похлёбку в виде пресловутого «голубого экрана», отказавшихся от реальности в пользу сфабрикованного массмедиа постоянно действующего миража. Оглядываясь вокруг, Тарарам с каждым разом всё острее сознавал, насколько непреодолимо плоскость наэлектризованного, притягивающего пыль стекла отделила людей друг от друга, отделила от вещей, родных просторов, стадионов, улиц, событий, приключений, властей – от всего, что происходит по ту сторону экрана. Получалось, что у человека как-то незаметно, исподволь, украли действительность, заперев её в застеклённый ящик.

Тарарам был твёрдо уверен: как отдых не является работой, так зрелище не является жизнью. Из этой незамысловатой истины неумолимо следовал категоричный вывод:

современное общество («бублимир», как называл его про себя Рома – проедаемый мир-бублик, сверхнасушным достоинством которого является именно дырка, холодное ничто, но дырка приукрашенная, всё время расцвеченная какой-нибудь очередной иллюзией; то, что это именно пустота, небытие, а не концентрация жизни, становится понятно, когда человек в эту дыру прогрызается) – это общество отрицания жизни. Но не через испытание, очищение, самоотвержение и смерть в жизнь вечную, а через какой-то липкий, навязчивый, обволакивающий сон наяву. Своеобразная версия «Матрицы»... Стоило бегло посмотреть по сторонам, чтобы тут же убедиться: теперь человек по большей части не живёт и не отдыхает, а только смотрит, как живут и отдыхают в телевизоре (дырке бублика) другие. Однако, сменив беглый взгляд на более внимательный, тут же становилось ясно, что и это не так – те, в телевизоре, на самом деле тоже не живут и не отдыхают, они лишь старательно симулируют то и другое, безотчётно, не щадя сил тянут незримую бурлацкую лямку, протаскивая в опустошённую явь какую-то тотальную, всепоглощающую иллюзию. Рому поражала эта фантастическая картина будней.

В своё время Тарарам штудировал в университете труды Эриха Фромма, который, ловко микшируя в одном флаконе Маркса и Фрейда, описывал суть буржуазного миропорядка как переход *бытия* в *обладание*. Тогда уже Рома чётко осознал, что роковой шекспировский вопрос «быть или не быть» страшно устарел для мира, в котором ему выпало родиться. Это был вопрос гордого и мятущегося духа, на него отваживались избранные, лично ответственные за ход истории перед лицом *бытия*. Главный выбор буржуазного общества, общества, соблазнённого вульгарной/продажной свободой и одурманенного пьянящей властью капитала, Фромм сформулировал иначе: «быть или иметь». Возможность *не быть* ушла за скобки, поскольку теперь человечество паслось на поле сугубо материальной определённости. В этой дилемме *быть* – значило стремиться изнутри вовне, значило отдавать, дарить,

расточать, как светило, как божество, как мужчина. Вернер Зомбарт называл такой выбор «путём героя». В свою очередь, *иметь* — значило стремиться извне вовнутрь, значило брать, копить, присваивать, красть, как прохвост, как деляга, как посредственность, как срань Господня. Этот путь Зомбарт называл «путём торгашей».

Буржуазный мир держится на торжестве корыстного *иметь*. Однако в бублимире, в новом мире заэкранной реальности исчезает даже оно, это сквалыжное *иметь* — здесь все покрывает туман неуловимой мнимости. В бублимире человек изо дня в день обречён смотреть бесконечный сериал об обладании, потребляя уже не вещи, но их визуальные имитации — эталонные образы, имиджи, рекламные химеры... Тут обретали смысл даже бессмысленные в иных обстоятельствах сентенции вроде «жизнь прекрасна» или «жить хорошо» — ведь жизнь на самом деле превратилась в эрзац подлинной жизни, подделку, точно так же нуждающуюся в рекламе, как лак для волос, выдерживающий торнадо, или напиток «Фиеста», вызывающий приступ немотивированного смеха.

Рома не хотел погружаться в мираж, предъявленный дыркой бублика, в эту источающую наркотические миазмы трясину, он хотел пройти по жизни путём героя. Как ему казалось, он не то чтобы имел в своём характере необходимые для исполнения подобной миссии черты, но попросту был для этого пути рождён. Причём, его совершенно не устраивала роль героя на экране. Он хотел быть героем помимо экрана, вне его — быть героем похищенной и вновь обрётённой реальности.

Итак, для корректировки личной судьбы следовало выяснить, насколько устойчив окружающий мир, каков ресурс его защиты против таких как он, Рома-Тарарам, инсургентов, в силу неведомых причин не вписавшихся в программу. В торговом зале «Незабудки», глядя на благоухающую флору, Тарарам подумал, что пробным камнем, брошенным в огород системы соблазна, могло бы послужить протестное движение, выступающее, скажем, под лозунгом «Вегетарианцы! Прекратите геноцид растительного мира!», однако эта мысль была им отвергнута как недостаточно провокативная. Следующая идея, толчком к которой послужил висящий на стене за развесистым фикусом календарь с физиономией Аршавина, заключалась в формировании

боевой скотозащитной организации, выступающей (возможно, в союзе с ненавистницей пушнины Бриджит Бардо) за бойкот и запрет футбола, поскольку лучшие футбольные мячи, как известно, шьются из каракуля, пусть и мехом внутрь. Но этот проект требовал внедрения в информационное поле той самой системы соблазна, которая, собственно, и вызывала тошноту.

Несколько следующих идей при их критическом рассмотрении оказались столь же уязвимыми.

Однако стоило только какой-то тихо журчащей в торговом зале FM-станции завести былинную «Come Together», как мысли Тарарам перестроились в новый порядок, и к концу второго куплета в его голове сложилась стройная концепция грядущего мероприятия. Когда-то в детстве/юности у Ромы был виниловый диск «Abbey Road», первая дорожка которого как раз и пульсировала сейчас тугими басами в эфире. Звуковой ряд невольно выудил из Роминой памяти визуальную картинку: ливерпульская четверка, упакованная в приличные костюмы, переходит по «зебре» улицу. Один из музыкантов был бос — кажется, сэр Маккартни. Развив в воображении дерзкий замысел, Тарарам получил то, что искал — тест, провоцирующий локальный сбой в программе бублимира.

Добровольцев в количестве четырнадцати человек Рома завербовал из той самой среды, которая некогда была сгущена на Пушкинской, 10, — в нынешние времена она пребывала в рассеянии, но по-прежнему не жаждала покоя, а искала неприятностей. Истинных целей Рома не раскрывал, — формальная художественная задача состояла в следующем: кто-то должен был голым осилить путь от квартиры Ромы на Стремянной улице до Семёновского плаца. Идти с тупым упорством следовало лишь одним маршрутом — самым откровенным, по улице Марата. Как только кому-то удастся преодолеть весь путь до конца, перфоманс сворачивался. Далее в дело вступали новости 5-го канала, и девушка Даша подвозила на своей тёртой «мерседес» одежду и паспорта повязанным участникам парада. Всё.

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ

ДВА ЛАРЦА: БИРЮЗОВЫЙ И НЕФРИТОВЫЙ
(отрывок)*...б. Добрая память*

Задача. Ме Чжонг, торговец из Сянгана, вынужден был покинуть город по торговым делам. Он отсутствовал больше года, но поездка оказалась успешной – Ме вернулся домой с немалой прибылью. На следующий день после возвращения дом торговца был полон гостей: каждому из пришедших было что сказать Ме Чжонгу.

«Все это время я заботился о твоих торговых делах здесь, хотя и своих забот у меня хватало», – так сказал тощий Линь, и Ме Чжонг щедро вознаграждал Линя за Добровольный присмотр.

«Я приглядывал за твоим домом, следил, чтобы семья твоя не столкнулась с трудностями», – сказал сосед Хоу. И Ме Чжонг Отблагодарил Хоу.

«Я разговаривал со всеми, кто справлялся о тебе и сохранил их письма», – заявил другой сосед и получил свою долю.

Каждый удостоился щедрого вознаграждения от Ме Чжонга, ибо этот достойный человек был совершенно чужд неблагодарности. Когда все получили должное, последний из гостей, некто Ди Люй, подошел к торговцу и сказал:

«Все это время я вспоминал о тебе». Сказав так, Ди Люй вопросительно посмотрел на Ме Чжонга.

Требуется решить, как в такой ситуации следует поступить Ме Чжонгу.

Ответы, отобранные для бирюзового ларца

Решение Кэ Тяня.

Раздавать заработанное трудом и риском кому попало – значит лишиться не только мудрости, но и здравого смысла. Ме Чжонгу следовало как-то прервать натиск нахлебников-паразитов: случай с Ди Люем прекрасно подходит для этой цели. Торговец мог бы ответить:

«Мне жаль тебя, Ди Люй. Вероятно, теперь ты не скоро забудешь, что все это время вспоминал меня напрасно».

Классическое решение.

Ситуация, в которую попал Ме Чжонг, не так

проста, как может показаться. Проще всего свести дело к наглости или, наоборот, к находчивости, и поступить в зависимости от того, как расценит торговец слова Ди, быть может, в соответствии с настроением.

Но реплика Ди Люя заставляет задуматься прежде всего вот о чем: имеет ли ценность то, что нас помнят, вспоминают о нас? И если да, то какую?

Поразмыслив, мы приходим к выводу, что память о нас является безусловной ценностью, хотя природа ее как ценности не совсем ясна. В сущности, близость близких сводится к тому, что они помнят друг о друге. Их поступки суть проявления того, что и как они о нас помнят. Если хорошенько разобраться, то окажется, что мои близкие – это мои воспоминания, и хотя мы не всегда вспоминаем о тех, кто вспоминает о нас, именно эта связь является основой родства, дружбы и самого принципа жень.

Высокая цена воспоминаний подтверждена и ритуалами, поддерживающими Поднебесную. Вспоминая кого-нибудь, мы некоторым образом оказываем ему услугу. Используя язык купца Ме, можно сказать, что мы кредитруем того, кого вспоминаем. Рассчитываем ли мы при этом на возврат кредита? И да, и нет, в зависимости от того как посмотреть. Вот священная память о предках, хранимая благодаря специальным ритуалам-воспоминаниям – ее можно рассматривать как безвозвратный кредит, который поколение ныне живущих выдает уже умершим. Но, с другой стороны, мы можем толковать возобновляемые припоминания как расплату с теми, кто дал нам жизнь. Да и выдавая этот кредит, мы рассчитываем, что наши дети будут так же кредитовать нас.

Воспоминания обо мне обладают ценностью даже тогда, когда меня вспоминает человек малознакомый или вовсе не знакомый. Разве не такой ценности взыскует сочинитель, когда пишет книги, зодчий, когда возводит дворцы? Автор охотно принимает эти будущие воспоминания в качестве платы за свой труд и довольствуется ими при отсутствии какой-либо другой платы.

Стало быть, воспоминающий обо мне оказывает мне услугу. Присутствуя в памяти других, я приумножаю свое присутствие в мире, выхожу за пределы единственного тела, родного города, а возможно, и всей Поднебесной. Даже если бессмертием называют нечто иное, все равно мы имеем дело с высочайшей ценностью, обретения которой всегда будет добиваться человек.

Означает ли вышесказанное, что Ди Люй, произнеся слова «все это время я вспоминал

о тебе», вовсе не напрасно выжидающе посмотрел на Ме Чжонга? Может, он имел все основания требовать платы за сотворенное им благо?

Увы, придется признать, что это не так, поскольку мы упустили еще одно важное обстоятельство. Многие поступки, и притом самые благородные, в полной мере заслуживают благодарности и признательности – но лишь до тех пор, пока этой благодарности напрямую не потребовали. Подобно тому как человек, заявляющий «я чрезвычайно мудр», оказывается весьма далеким от мудрости, так же и тот, кто говорит «все это время я вспоминал о тебе», намекая на вознаграждение, едва ли заслуживает вознаграждения.

Решение Укротившего Бурю.

Согласно условию, Ди Люй говорит торговцу: «Все это время я вспоминал о тебе». Этих данных, однако, недостаточно для того, чтобы вынести какое-либо решение. Непременнo следует узнать, как именно ты меня вспоминал? Присутствие в памяти другого можно рассматривать как ценность, только если речь идет о благосклонном присутствии. Но вполне возможен и противоположный случай - то, что в народе называют «помянуть недобрым словом».. Такое присутствие в памяти не только не заслуживает благодарности, но и наносит поминаемому прямой ущерб. Соответственно, Ме Чжонг мог бы ответить так:

«Ага, попался! Значит, есть и твоя доля вины в подстерегавших меня превратностях пути и приступах хандры. Теперь я знаю, с кого взыскивать!»

Решение Бао Ба.

Каждый из гостей сделал что-то полезное для Ме Чжонга и поэтому считал себя вправе предъявить счет. Однако по-настоящему роскошный подарок торговцу преподнес именно Ди Люй. Ибо благодаря этому остроумному соседу никому не известный продавец залежалых товаров стал известен всем образованным людям Поднебесной. Уже добрую сотню лет ученые мужи ломают голову, вспоминая Ме Чжонга.

«Я вспоминал тебя все это время», - говорит Ди Люй. Разве не благодаря воспоминаниям Ди Ме Чжонга и до сих пор вспоминают? Разве можно усомниться, что всех ничтожных сбережений торговца не хватило бы, чтобы достойно оплатить такую услугу?

ВЛАДИМИР РЕКШАН

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ГОРОД

Первые одиннадцать лет своей уже не короткой жизни мне посчастливилось просуществовать неподалеку от Невского на Кирочной улице в квартире, где в семнадцатом году Ленин провел собрание с разъяснением Апрельских тезисов. Мемориальная доска появилась относительно недавно, и поэтому мое детство прошло счастливо. Многие сверстники собирали марки, и первые вылазки на Невский мы совершали с утилитарной целью - не доходя до кинотеатра "Октябрь" находился "марочный" магазин. Там продавали чудесные китайские блоки, изображавшие гимнастические упражнения. Ходили слухи, будто вместо клея китайцы использовали рисовую кашу. Что-то про коммунизм я уже слышал, обсуждал с приятелями перспективы, а у мамы спрашивал:

- Когда коммунизм объявят? Чтобы поехать и марок набрать за так.

- Скоро, сынок, - отвечала мама.

Но коммунизма так и не объявили, а "марочный" магазин на Невском закрылся. Теперь там что-то вроде "Адидаса"...

Классе в восьмом я уже знал про специальные брюки под названием "джинсы" и про рубашки с необычными пуговицами. По выходным мы с соседом Игорем Залмановым отправлялись на Невский поглазеть на тех, кто носит необычную одежду. Была середина шестидесятых годов, мы ничего не слышали про "оттепель" и прочие фокусы. Я принадлежу к тому поколению города Ленинграда, которое в силу малолетства пропустило свободолюбивые шестидесятые, а к новым временам с новыми возможностями нового русского капитализма добрались побитыми и полуживыми. Все поколения потерянные, а семидесятники потеряны больше всех. Зато нас согрела битломания, и мы строили мир, мало общаясь с государством..

Тем временем Невский в жизни наступал неукротимо. Увлеченно занимаясь спортом, я ездил на Зимний стадион смотреть, как соревнуются взрослые чемпионы, в пятнадцать лет и сам выиграл у всех в стране среди однолеток по прыжкам в высоту, стал мастером спорта и пр. Выходя из метро на Невский,

проходишь мимо “Каткиного” садика, в котором гомики собираются, переходишь проспект. Оттуда до Зимнего рукой подать. Про “каткиных” гомиков знает каждый, выросший в Питере. Что-то смутное, непонятное и ужасное знал и я, обходя садик стороной. Однажды спешу на стадион, вышагиваю мимо ограды садика к пешеходному переходу через Невский. Вдруг со стороны садика ко мне кто-то движется и говорит сбоку:

- Здравствуй, здравствуй.

- Пошел ты на ...! - инстинктивно отвечаю и тут же узнаю в говорящем тренера молодежной сборной Советского Союза. Смысл моей реплики доходит до него не сразу, и он продолжает, спрашивает:

- Как дела?

- Хорошо, - отвечаю я, краснею и убегаю.

Но настоящее освоение Невского, вообще центра началось с поступления в университет. Мир вдруг распустился, стал разноцветным и огромным, появились новые талантливые друзья и новые формы быта. Сразу за Кунсткамерой в те великие годы работала столовая Академии наук, “Академичка”, с залом, где установили кофейный заварочный агрегат венгерского производства, где за простой маленький кофе брали четыре копейки, где кипели интеллектуальные страсти, и еще не было развито бражничество, хотя пиво поглощали дюжинами. И белые ночи тогда были белее, и толпы с гитарами возле парашетов собирались добрее, и нынешние бандиты еще не родились.

Что-то такое пересдавали на истфаке, и поэтому стали отмечать окончание сессии только четвертого июля. Человек пять всего. Пили коктейли в плавучих барах, глазели на девиц. Савинов, кажется, и вспомнил о том, что сегодня, мол, День независимости США, и американские студенты, приехавшие в гости, собираются на праздник в помещении столовой за главным корпусом. Волосатые и джинсовые, мы побежали брататься с американцами, и нас, приняв за иностранцев, в столовую пустили. В ней под прогрессивную рок-музыку с ихними девицами танцевало с дюжину молодых чекистов, одетых в аккуратные костюмы и белые рубашки с галстуками.

Лето 68-го. В августе в Прагу ломанутся наши войска и начнется другая эпоха. Эпоха Вудстока, эпоха мировой рок-революции, революции любви, в которой мое поколение, мой Ленинград-Петербург побарахтался будь здоров!

Осенью 69-го я с приятелями репетировал в училище им.Мухиной, “мухе”. Мы играли на самодельных электрогитарах и вдруг придумали своей группе название - “Санкт-Петербург”. Отпраздновать название решили в кафе “Север”, где за бутылкой шампанского обсуждали свое славное будущее. На выходе на нас напали фарцовщики, желая поколотить за длинные волосы. Мы отбились гитарами, вышли из боя с честью. За длинные волосы можно было серьезно пострадать, и несколько раз гитара спасала меня. Через пару лет, уйдя в академический отпуск, я решил устроиться на работу в метро ночным тоннельным рабочим, где и проработал полгода на перегоне “Маяковская” - “Гостиный двор”. Этот своеобразный подземный Невский достоин отдельной песни, но вот такая странная история произошла со мной, пока я трудился над этим текстом... В середине 90-х на одной из радиостанций я выпустил несколько десятков музыкальных программ под общим названием “Джинсовое радио”. В одной из передач, вспоминая работу в метро, выдумал басню о том, что иду, мол, однажды пустынным тоннелем, перекинув обрезную доску через плечо, и вдруг мне навстречу из темноты выходит такой же волосатый и джинсовый парень. Мы приветствуем друг друга, я говорю незнакомцу:

- Мне нравится группа “Прокл Харум”, - а парень отвечает:

- А я люблю “Джетро Талл”, - и скрывается во мгле тоннеля.

История - чистая выдумка! А тут телефонный звонок. Незнакомый мужчина представляется, что-то такое бормочет про свои литературные опыты, а в конце разговора сообщает:

- Я слушал вашу передачу. Тот человек, которого вы встретили в тоннеле почти тридцать лет назад, - это я...

Куда бы ни забрасывала жизнь, все равно ты оказывался на Невском. Неподалеку от проспекта, между конной статуей Петра и Инженерным замком, есть кусты и пара скамеек. Тридцать лет назад вокруг этих скамеек роилась молодежь. Здесь менялись пластинками, и я приходил к этим скамейкам и в дождь, и в метель, каждый день выменивал себе пару новинок, а затем с приятелями отправлялся в “Сайгон” продолжать музыкальные беседы. “Сайгон” - это уже не песня, а целая оратория.

В городе, живущем на параллелях и перпендикулярах, на угол Невского и Владимирского вы попадете всегда. В здании, где после бесконечно долгого ремонта открылся отель "Рэдиссон", располагался ресторан "Москва". Первый этаж его занимал кафетерий, прозванный в народе "Сайгоном". С шестидесятых годов там толклись всякие несоветские элементы. Богема, одним словом. Я еще застал пору, когда в "Сайгоне" были столы со стульями, когда изящный сердцеед Ширали прохаживался между столиков с тросточкой, а лохматый Кузьминский притаскивался то ли с дубиной, то ли с посохом... Богема поживала на глазах у народа, и постепенно "Сайгон" приобрел сомнительную репутацию. Богема - понятие условное. Что-то вроде отстойника или спецраспределителя. Из нее кто-то пробился в офицеры, а к оставшимся подтягивалась молодежь. Одно время в "Сайгон" по вечерам приходили пить местные бандиты. Семидесятые годы стояли на дворе, бандиты были в наколках и шрамах, в компании пропитых поблекших девиц. Лично мне приходилось быть свидетелем сцен безобразных! Однажды два одноногих уголовника дрались костылями, падали, роняли столы, пугая богему и случайную публику, зашедшую перекусить. Водился в "Сайгоне" внушительного образа детина по кличке Полковник, огромноголовый, с кулаками, как пивные кружки, занимавшийся рублевым рэкетом. Правда, перед Московской Олимпиадой бандиты куда-то подевались... Собирались в "Сайгоне" и разные экономические жулики. У них действовал свой табель о рангах - от, как говорится, антикварно-иконной крутежки и переправки народного достояния за кордон до пятерочных книжных спекуляций. Одного из крутых звали Распылителем за случайный и плевай для него проигрыш в карты пятидесяти тысяч, что по тогдашним ценам "черного рынка" равнялось, где-то, десяти-двенадцати тысячам долларов... Я видел Распылителя несколько раз, но он не часто наведывался в "Сайгон" - лишь по особой надобности. Был он скромен телом, сероват лицом, носил бородку клинышом и не бросался в глаза. О нем говорили, будто он одним из первых прошелся по деревьям и не приметно так, учтиво собрал икон в серебре

и складней на миллион. Экономические жулики носили плащи и пальто из лайковой кожи и собирались между двумя и тремя часами пополудни перед открытием букинистических, антикварных и комиссионных магазинов. В три открывалась на Рубинштейна скупка драгоценных металлов, куда частенько несли, как лом, произведения настоящих ювелиров. Перед скупкой простодушных горожан перехватывали "лайковые плащи" и делали свои состояния, а после в "Сайгоне" играли в "шмен", открыто, несмотря на социализм и госбезопасность, передавая из рук в руки тысячи. Бедная богема, кто попримечнее, отводила глаза, а потерявшие стыд старались втюхать какому-нибудь "лайковому плащу" зряшную книжечку, чтобы выпить, а вечером стоять возле кафетерия, размахивать руками и философствовать. Каратисты дружили с "лайковыми плащами" и презирали богему. Девушки из провинции проходили через порочные руки "Сайгона" стройными шеренгами. Рок-музыканты пивали с богемой, но их время наступило потом...

Петербург - это не окно в Европу, а дорога в Азию. От моря по Невскому к Московскому вокзалу и далее в азиатские недра... У каждого поколения свой Петербург - он медленно и неукоснительно проваливается в топи, из которых вырос. Он есть еще, и его уже нет. Иду по городу и всматриваюсь в лица. Они новые, их много, других и счастливых. Все меньше встречаешь знакомых, все более потерты они и эфемерны. Но и это хорошо. Мой Петербург уйдет вместе со мной, унесет свое название и имена. Зато и никто другой им уже без меня не воспользуется.

СЕРГЕЙ КОРОВИН

ПУТЬ К НРАВСТВЕННОМУ ОЧИЩЕНИЮ

Пожалуй, трудно даже вообразить иной повод, по которому случалось махнуть бокал одновременно с миллионами соотечественников. Скорее всего, этот ритуал придумали производители игристых вин. Эх, вот бы нам такую предпринимательскую жилку! А реклама! Выходит Президент в пальто и прозрачно намекает на то, что пора бы выпить «шампанского». В результате сотни тысяч декалитров брюты и полусладкого немедленно шипят в гортанях и ударяют в нос. Беспроигрышный ход: человеку в пальто многие верят, — по его распоряжению начинается отсчет календаря.

И я бы поверил, если б увидел, но внезапно ворвались гости из разных стран — ну, что поделаешь, живем на подоконнике окна в Европу, только ленивый пройдет, не постучав, — оправдываются проволочками погранзаставы. Разливаем «Вдову Клико» из дьюти фри под льющуюся с небес музыку Александрова, мне горько — я не знаю слов, мало того, я не люблю песен, которые сочиняет Сергей Михалков, он — мошенник, — таковы мои антикоммунистические убеждения. Я вообще хочу обратиться к человеку в пальто и попросить его, чтобы в следующем году он вышел с красным носом и сам спел бы что-нибудь новенькое, например, про то, как Бог на небе фотографирует цифровой камерой наши добрые дела, у него во-от такой zoom. Ну, и припев: «А меня ребята любят! Любят!», или что-нибудь в этом роде. Может быть, я не прозеваю, как на этот раз, и выпью вовремя в другое время.

Впрочем, какое время? Я, признаюсь, заметил, что времени не существует. Память его не сохраняет. Когда что было? Уже и не вспомнить.

К примеру, что делали некоторые писатели-фундаменталисты на корпоративной вечеринке некоторого издательства? Какого числа? Да не суть. Вообразите детали: платиновая водка, семга на гриле, сто приглашений на белый танец, остывшие хачапури, ураганный ветер ледяного залива, поцелуй соленых губ, шипящие огни фейерверка, веселая тьма, водка по подбородку и музыка, музыка... И кто-то трясет за плечо: «Приехали, барин, при-е-ха-ли!».

Вообразите теплые домашние иронии, когда рассвело: «Ты хоть помнишь, каким...? Я тебя таким... Да, ладно бы: в помаде, а то — в шоколаде. У тебя все брюки были в шоколаде! Скажи честно, а сколько ей лет?».

Да ничего, в сущности, не делали, и время здесь не имеет никакого значения.

Помню, мы все, наверное, вешали гирлянды, уклончиво отвечали на тысячу sms,

манипулировали блендерами, мотались за тортом в «Тройку», за подарками в «Максидом», за кино — на Владимирский, — боялись опоздать, не успеть, упустить из виду, красные салфетки, мандарины, пиротехнические изделия.

Кстати, если в новогоднюю ночь на какой-нибудь петарде письменно перечислить все неприятности, которые докучали вам в истекшем году, а потом бросить от себя прочь, чтобы раздалось «бах!», то о них в наступившем и не вспомните.

У, я знаю, что написали автомобилисты. Потому что город представлял собой нейтронный пейзаж Вальрана, — ни машин, ни шагов, ни лимонных жилетов регулировщиков, — то есть, просто какой-то прошлый век. Трафика не было! Вот рассекали! Этого — не забыть.

А что еще, кроме того, что времени не существовало? Еще память хранит дурноту от обжорства и незабываемые комплименты типа: «Это кто у вас делал фаршированную рыбу. Неужели сам? Старик, ты гений!». Ну, еще помнится праздное шатание между мигающих елок. Казалось, мы никогда не выйдем из этого леса — подарки, восторги, сюрпризы. И выход, выход, который кто-то подсказал: идите в баню! Скорее всего, этот добрый совет исходил непосредственно от того человека в пальто, которого я так и не увидел в этом году.

А что? Баня да баба — одна забава. Сняли класс. Как сейчас помню восторг освобождения от оков! Освобожденные все равны — жены, друзья, московские гости, — особенно женщины, нагота делает их одинаково удивительными, но с ними в парной сплошная морока. Вот, возьмем для сравнения писателей-фундаменталистов: один лежит на полке, как глыба, другой, как бревно, третий, как фанера, — простые пространственные построения, и ты на него сначала повеешь — помашешь над ним хорошенько, погреешь ему пяточки, пройдешься, чуть касаясь, до макушки, обратно пройдешься — уже плотней, вернешься, протрешь. А как протирают? Берешь оба веника в руку, кладешь ему на лопатку, сверху второй рукавицей прижмешь и плавно протащишь всю конструкцию по правой сторонке, потом перевернешь веники и по левой, а потом — ноги. Думаешь при этом о рыбной солянке: огурцы, маслины, укроп при подаче, — дивная юшечка, ломтик лимона. А глядя на бабу с птичьего полета, думаешь исключительно об ее потенциале и протираешь такими вращениями.

Я уже десять лет пристаю к своей высокоученой Ниночке с одним вопросом: «На хрена нужна телесность?», в смысле: Богу она на хрена?

А тут — эротическое явление природы — потоп, Фонтанка подбиралась к нашим ногам, и я сразу понял, что должен был не слушаться тогда

человека в пальто - «шампанского! шампанского!» - а пойти дописать абзац про ботиночки следующим образом:

«Потом, когда они оказались порожними, я рассматривал их и даже играл с ними – они маневрировали у меня на ладонях, как настоящие корабли, - безукоризненные и непотопляемые. Заклепки, толстые круглые шнурки, флотские крючки, крупные прошивки, мягкость матовой кожи, всесезонные протекторы, но невесомые, просто игрушки. Мы дали им боевые имена: «Стерегающий» и «Предприимчивый».

Вот и выяснилось, что телесность нужна для нравственного очищения, но я Нине об этом не сказал, а то засмеет.

А как делать рыбную солянку, я могу сообщить даже ей: возьмите полкило свежих семужьих обрезков – хребты, хвосты, плавники, но не голову - от нее в бульоне неправильный вкус. Обмойте обрезки и варите, прибавив морковь, половинку печеной на железном кружке неочищенной луковицы, часть корня сельдерея, три горошины душистого перца. Тем временем, снимите шкуру и выньте кости из половинки соленой горбуши - это все тоже можно бросить в бульон, - а филе нарежьте кубиками, покрошите соленный огурец, очистите штук двадцать креветок, приготовьте горсть мидий, горсть маслин или оливок. Рыбный бульон варится минут тридцать-сорок, после этого перелейте его в другую емкость через дуршлаг, а дуршлаг вытряхните в помойку, сложите в чистый бульон все, что вы приготовили, и пусть варится. Нашинкуйте луковицу, обжарьте, посыпьте мукой, полейте томатной пастой, перемешайте и вывалите в тот же бульон. Добавьте стакан какого-нибудь рассола – огуречного, грибного, помидорного или маринаду – мало ли что осталось в холодильнике. Забросьте туда пучок петрушки и листик лаврушки. Попробуйте, если надо - посолите, положите немножечко сахару для мягкости, выдавите туда половинку лимона. Вкус должен быть восхитительным, а консистенция – густоватой. С момента закипания пусть пройдет не больше десяти минут, а потом гасите огонь, плесните под крышку рюмку водки и зовите ребят к столу. Перед раздачей выбросьте петрушку, предварительно нарежьте укроп и лимончик – по пол-ломтика на порцию и последующие добавки, и помните, что всю солянку нужно слопать в один присест.

Что тоже весьма способствует нравственному очищению.

И задумайтесь потом: физика это Петербурга, или метафизика.

НАЛЬ ПОДОЛЬСКИЙ

СТРАННЫЕ ИГРЫ МАГИСТРОВ

(глава из нового романа)

Тяжелое уханье многометровых шагов Великого магистра становилось все громче, и звуки их теперь уже отчетливо сопровождались вздрагиваньем болотистой почвы. Удирающий анхизавр перебирал лапами с такой скоростью, что вместо них виделось лишь полупрозрачное мельтешение зеленоватых и коричневых пятен, и тем не менее сотрясающая землю поступь гиганта-мегалозавра неумолимо его настигала. Наконец, в поле зрения наблюдателей появился сам магистр Павлос – перемещаемая колонноподобными лапами десятиметровая серо-зеленая туша, страстно алчущая чужой плоти гора мышц, покрытых морщинистой, неуязвимой для всех других ящеров кожей. Пасть его была уже слегка приоткрыта, из угла ее тонкой струйкой стекала густая слюна, и глаза горели голодным красноватым огнем. Зависнув на мгновение над анхизавром, голова хищника с удивительным при ее массивности проворством метнулась вниз, из-под массивных челюстей брызнули фонтанчики крови, и спустя секунду еще продолжающие конвульсивно дергаться останки травоядного ящера исчезли в пасти гиганта, напутствуемые в этом движении подталкиванием его коротких передних лап. В нижней части экрана высветился текст: «Вы приобрели 48 мегакалорий. Не менее 10 из них должны быть немедленно израсходованы, иначе произойдет недопустимый перегрев организма».

Использовать лишние калории можно было тремя способами: потратить их на увеличение своего размера и веса, либо на эволюцию (в направлении млекопитающих), либо на развлечение, то есть на совокупление с самками. Играющий фигурой мегалозавра выбрал эволюцию.

- Кто играет? – поинтересовался Великий магистр.

Серж несколько раз щелкнул клавишами своего рабочего компьютера:

- Какой-то симулякр третьего ранга. Владельца не знаю, - заметил он рассеянно.

Пытаясь понять причину вопроса, он поднял взгляд на магистра Павлоса и добавил

задумчивым тоном:

- Они всегда выбирают эволюцию. И это меня беспокоит.

- Почему?

- Симулякр – всего лишь компьютерная программа. Я запрашивал системщиков – в них не закладывают стремления к самосовершенствованию. Более того, после известных тебе событий проектанты тщательно удаляют из готовых программ все лазейки для таких тенденций. И все-таки в игрушках они всегда однозначно выбирают эволюцию.

- Да, в этом стоит разобраться, - согласился Павлос, но тон его показался Магистру безопасности слишком уж равнодушным и вежливым.

- И как всегда, - усмехнулся Великий магистр, - все сделано кое-как. Мегалозавр – это юрский период и даже мел, а анхизавр – триас. Как они могли встретиться? Неудобно, палеонтолог все-таки.

- Мне бы твои заботы, - обиженно проворчал Серж.

Игра эта появилась в сети недавно и сразу же стала для Магистра безопасности постоянным раздражителем. Хотя своим возникновением она была обязана сугубо частным причинам, ее массовая популярность, особенно среди симулякров, определенно имела протестный оттенок. Обстоятельства рождения этой мезозойской игры были забавными и поначалу вызывали у магистра Сержа только улыбку. Последняя жена магистра Александра, с которой он развелся незадолго до своего вступления в должность Великого магистра, движимая двумя естественными человеческими эмоциями – стремлением заработать деньги и желанием досадить бывшему мужу, используя свою образованность в качестве палеонтолога, придумала идею игры, основные персонажи которой, семь динозавров, носили имена магистров Незримой империи. Присвоив себе звучный псевдоним – Олеандра, которым возможно намекала на собственную ядовитость, она взяла в соавторы достаточно дельного программиста, и в результате их совместного творчества рынок пополнился игрой «Магистры юрского периода». Мало того, что хищные динозавры носили имена магистров, дизайнеру удалось добиться и некоторого портретного сходства. Персональным мелким ехидством в адрес

магистра Александра было то, что изображавший его в игре пронырливый и юркий велоцираптор выполнял приказы своего игрока относительно расхода энергии с вероятностью около половины, а в остальных случаях по собственному почину гонялся за самками и беспорядочно с ними совокуплялся. Ни роста в размерах, ни эволюции играющим от него добиться не удавалось, и фигура не пользовалась популярностью.

Магистр безопасности считал эту игру определенно вредной для Незримой империи.

- И что же прикажешь с этим делать? – Обратился он к Павлосу, уже не пытаясь скрыть раздражение.

- Могу своей властью запретить эту игрушку, - рассеянно заметил Великий магистр.

- Да ты что? – Возмутился Серж. – Тут же появятся левые копии в огромных количествах. Нет, нет... Здесь нужно что-то другое... Такие вещи надо подрывать изнутри. Придется тут постараться Гейтсу.

Прозвище «Билл Гейтс» носил штатный хакер службы безопасности Империи, симулякр второго ранга, в совершенстве владевший всеми компьютерными пакостями. Он взялся за работу столь усердно, что уже через неделю Серж смог ознакомить остальных магистров с результатами хакерского творчества. На «смотрины», правда, пришли не все, а только Павлос, Александр и Сергиус. Александр пребывал в Германии, и потому встреча состоялась не в тяжелом мире, а в виртуальной реальности, в офисе Службы безопасности Небесного Петербурга.

Серж по своей специальной линии подключился к наблюдению за случайно выбранным игроком, и компьютер внизу экрана вывел служебную справку: играл мальчик-подросток с терминала одного из гамеров. По неопытности или из любопытства он выбрал именно фигуру Александра, то есть велоцираптора.

Сначала все шло как обычно: рыская в живописном скалистом ландшафте позднего мела среди деревьев уже почти современного вида, магистр Александр догнал и прикончил не крупного стегоцераса, приобретя почти десяток мегакалорий. Игрок пожелал резко увеличиться в размерах, компьютер запросил подтверждение, и в этот момент на фоне сияющего белизной холма возникла огромная самка стиракозавра, неспеша переставлявшая

свои лапы-тумбы. Помимо семи главных, более чем метровых рогов, ее череп украшала по бокам еще дюжина маленьких рожек, а на шее развевалась розовая лента с надписью: «Я – Олеандра».

- Вот наш троянский конь, - с умилением в голосе произнес магистр безопасности.

- Ничего себе конь, - изумился Сергиус, - покрупнее слона будет!

По-видимому, как и магистры, засмотревшись на стиракозавриху, юный игрок промедлил с нажатием клавиши, а тут, как на грех, вдали появились две самки велоцирапторов, и магистр Александер, презрев предписанное увеличение в размерах, припустил за ними с удивительной даже для своего быстрого вида скоростью. Игрок заставил его сделать еще пару бессмысленных зигзагов на этом пути и, полностью израсходовав первоначальную ставку, вышел из игры. Семья гамеров потерпела убыток в несколько имперских червонцев.

- Сама фигура в игре не участвует, - праздничным тоном продолжал Серж, - но вылезает на экран каждые несколько минут, и ставка играющего тут же сбрасывается.

- Куда? – Заинтересовался Сергиус.

- На счет, номер которого выбирает генератор случайных чисел. Подарок неизвестному гамеру, - ухмыльнулся Магистр безопасности.

- Недурно, недурно, - одобрительно пробормотал Александер, - не сомневаюсь, теперь все будет в порядке. А сейчас я с вашего позволения удалюсь, - и, не давая коллегам времени возразить или согласиться, он даже не вышел из кабинета Сержа, а просто исчез, растворившись в виртуальном пространстве.

- Не думаю, что у кого-то сохранится интерес к этой игрушке, - не без самодовольства заключил Магистр безопасности.

Он оказался прав: в течение недели спрос на «Магистров юрского периода» полностью прекратился. Платить за содержание игры на серверах общего доступа стало невыгодно, и Олеандра сама изъяла ее из сети. Более того, поняв, что дальнейшее развитие мезозойского конфликта сулит одни убытки, она отказалась от продолжения войны.

Несмотря на выигрыш в домашней по сути междоусобице, магистр Серж испытывал

смутное недовольство. Неделю назад, имея отличный повод для беседы с Великим магистром о симулякрах - их необъяснимое стремление к саморазвитию, - Серж так и не смог начать нужный ему разговор. Точнее, не рискнул. Для главы службы безопасности подозрительность – по определению первейшее качество, но предъявлять туманные опасения вместо сводки агентурных данных – означало бы профессиональную непригодность.

А поводов для тревоги хватало. Среди симулякров шло скрытое брожение. Они постоянно обменивались какой-то информацией, у них появился свой странный фольклор. Но служебные симулякры-провокаторы слонялись в Небесном Петербурге практически безрезультатно, и даже лучший из них – агент по кличке Азеф – не приносил ничего, кроме обрывков нелепых полулегенд-полусказочек, порой совершенно бессвязных. Еще больше настораживало то, что при сканировании любого симулякра эти только что переданные тексты обнаружить не удавалось – они научились прятать информацию. Магистр безопасности чувствовал себя беспомощным и видел только один выход из скверного положения – найти умного и знающего консультанта.

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ*

САМЫЙ ЦВЕТ

Мы лежали на земле и отдыхали, – бетон был залит в опалубку и высыхал прямо на наших глазах. Солнце жгло, воздух был сырым и тяжелым, вокруг – тайга. Мы сделали для склада нулевой цикл на два дня раньше срока.

Санька Семенов недавно развелся и злился на весь белый свет.

– А знаете, – он обстоятельно почесал татуированную грудь. – У одного моего друга, художника, в городе халтуры в месяц тысячи на четыре: не то что мы здесь корячимся, комаров кровушкой кормим. У него так: залез на стену, перепачкал абы как, и дальше. Дочка его ездит за границу каждый год, – тряпки, шмотки – все дела при ней. И лучшие мужики – ее. Дай закурить, Михай.

Мишка отстранил его руку.

– Иди ты, Саня, – сказал он. – Лучших мужиков эта мочалка и в глаза не видела. Лучшие мужики – здесь, понял? Подъем, орлы, начинаем площадку готовить.

ПЕРЕЕЗД В ДРУГОЙ ГОРОД

– ...и помидоры здесь по пятнадцать копеек, – сказала женщина. – Даже если треть порчены, и то на всю зиму хватит.

Она наклонилась над ящиком и кинула в ведро несколько гнилых плодов. Мужчина сидел за столом и следил за ней взглядом. Глаза у него были темные, скулы выделялись на худом лице.

– А то, пока не уехали, в твоём Тьму-Тараканске зелени днем с огнем не сыщешь, – продолжала женщина, сортируя помидоры. Они были крупные, красные, в самой своей спелости. – На рынок придешь, – говорила она, – так хоть шаром покати. Сидят три бабки, и все.

Она критически посмотрела и бросила помидор в ведро.

– Ребята считают, что я сбежал, – сказал мужчина. – И ведь правы...

– Вот и пусть себе там заживо хоронятся в своей Заполярке, – живо откликнулась женщина. Пол-ные руки ее засновали проворней. – Ни жилья приличного, ничего... Только и знают, что горбы ломать, пока комбинат этот строят, – только об нем и твердят, будто клином свет сошелся, черт бы его побрал...

– Перестань, – поморщился он.

– А так и есть, так и есть, – говорила она теперь не переставая. – Корячатся по две смены, так и загнутся, ноги протянут – вся награда за труды. Гешка один чего стоит: худой, как палка, какая баба на него посмотрит? – разве что тамошние, из поселка, дак ведь известно: на Севере под любого...

– Перестань, – еще раз сказал он, но женщина не подняла глаз и поэтому не увидела выражения его лица.

– А что, неправду говорю? В поселке мужики-то – одни строители, а бабы кто? – штукатуры да маляры, долго ли там?.. Вот Валька, что за тобой ходила, в рот тебе смотрела, – эта, может, благодарных кровей? Я у соседок-то пораспрашивала, она ведь, сам знаешь, шамамотра еще та.

Он сидел, сжав челюсти.

– А здесь и море в двух шагах, и солнышко, и квартирка аккуратная, – говорила женщина, ловко подхватывая ведро с помидорами и отставляя его подальше. Потом она взялась за ящик:

– Сидит, помог бы, что ли?

Мужчина поднялся, передвинул ящик из одного угла кухни в другой и снова сел у стола.

– Так что все это дурь, – будто и не прерывалась, продолжила женщина. – И ребята твои с ихними рекордами, и бабы эти, и Заполярка, в которой здоровье теряешь, так что денег становится никаких не нужно. Дурь и есть... Всё, отпрыгались. Теперь по-новому пойдет, Виталик, верно?

Она наконец-то обернулась и увидела его лицо. Он как-то по-волчьи смотрел ей прямо в глаза, и она даже попятилась. На секунду ей захотелось присесть и закричать от страха, как в детстве.

– И... и помидоры здесь... по пятнадцать копеек, – она еще продолжала говорить, но так, по инерции, одними губами.

Мужчина долго, молча продолжал смотреть на нее.

– Ну да. По пятнадцать, – сказал он наконец.

* из книги: Сергей Андреев. Подари мне надежду. Рассказы. СПб, "Искусство-СПБ". 2005

ТЕЛЕЦ**
ХОРОШЕЕ ДЕЛО

Что-то в этом мире изменилось, но что, он никак не мог понять. Люди стали другими, это очевидно, но не могло же всё перевернуться до неузнаваемости за какие-то пять лет? Конечно, старый уклад разрушался, а новый только строился, и это называлось рыночной экономикой – но мужчины и женщины не должны были перестать оставаться мужчинами и женщинами... А вот, однако же, переставали!

Вместо мужиков, готовых и способных работать, словно ниоткуда появились молоденькие хлыщи, говорящие на птичьем языке биржевых маклеров. Другие, мордатые и не-бритые, разъезжали по городку на джипах и сводили друг с другом счеты. На заводе, где старик работал мастером, пытались убить директора – стреляли, но промахнулись. Говорили, стрельба была связана с акционированием предприятия, но он особо не вникал: к приватизации государственного имущества он вообще относился с безразличием, не понимая до конца, кому все это нужно.

С женщинами тоже творилось невообразимое. От того, что показывали теперь по телевизору, делалось стыдно, однако и в жизни хватало примеров, иной раз похлеще телевизионной похабщины. В городке почти легально действовал публичный дом, его называли "агентство" и узнавали там девчонок с соседней улицы – дочек тех, кого хорошо знали по работе на заводе. В городок пришла и наркомания, – молодые ребята и раньше-то спивались, но тут стали вытворять что угодно за порцию зелья.

Стояла зима с сухими безветренными холодами, и снег искрился под солнцем который день. Сегодня его, пожилого уже мужчину, вызвали в заводоуправление и сообщили, что в его цехе – сокращение, сборку почти сворачивают, и он уволен. Когда он вышел с территории завода, оказалось, что идти некуда.

Дети – сын и дочь, вполне взрослые, давно разъехались, жили кто где и как-то сводили концы с концами. Жена умерла, тихо отойдя в позапрошлом году после недолгой болезни.

До пенсии оставалось два года, и становилось все более понятным, что прожить эти два года будет очень трудно.

** фрагмент из цикла рассказов "Венок сонетов: Знаки зодиака"

Привычно болела спина, натруженная за последнее время в сборочном цехе. Он шел, поскрипывая снегом, по не очень людной своей улице, и привычно завернул в гастроном на углу, чтобы купить хлеба и молока. Знакомая продавщица средних лет, увидев его, кивнула – он всегда приходил сюда за продуктами, и они, бывало, перекидывались парой слов.

Народу в магазине почти не было.

– Цех закрыли, – вздохнув, сообщил он ей. Глаза у мужчины, несмотря на возраст, были вполне живыми, светло-серыми, кожа на лице грубой.

– Слышала, – сочувственно кивнув, ответила она, глядя на него через прилавок. – Моего-то еще год назад за пьянку оттуда выгнали. Теперь если вообще предприятие встанет, куда люди деваться должны? Полгорода, считай, на заводе работает.

Он посмотрел на женщину, которая заправляла в этот момент ладонью светлые волосы под белую косынку.

– А где он теперь, твой-то?

– Да не знаю, – откликнулась она безо всякой горечи. – Сгинул куда-то, теперь вот двоих детей одна ташу. Много ли заработаешь здесь? Вот шью еще людям, подрабатываю... Все равно не хватает.

– Я в деревню поеду, – неожиданно сказал мужчина. – У меня дом там заброшенный стоит. Придется нижние венцы подновить, да еще хлев починю. Я же сельский, – скупно улыбнулся он, – все умею... В общем, налажу хозяйство, живность заведу. Огород, обратно же, имеется... Над этой жизнью я сам хозяин, а не она надо мной.

– Вот и славно, – кивнула продавщица, – а здесь, в городе, я гляжу, скоро вообще ничего не останется. Вам батон и половинку пшеничного, как обычно? – спросила она.

– Нет, – ответил он, – дай мне сегодня ржаного, давно не пробовал.

– Угощайтесь на здоровьице.

Она протянула ему хлеб в пакете, потом сходила в соседний отдел за бутылкой молока и, подавая, улыбнулась. Повстречав эту улыбку, он о чем-то коротко задумался.

– Может, поедешь со мной? – спросил он вдруг женщину, словно давно размышлял об этом. – Я человек надежный, прокормлю. И детям дело найдется, всему выучу – им ведь лет десять-двенадцать, поди?

НЕМНОГО ХОРОШЕГО
О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ

Женщина в недоумении кивнула:

– Ну, так...

– В школу определим, все путно будет, – как о решенном, сказал мужчина. – Что до твоего... если найдется, так сила у меня в руках еще осталась. С крыльца спущу.

Она глянула в его серые глаза: мужчина не шутил. Теперь он вовсе не выглядел пожилым.

– Да я...

– Ты вот что, думать тут не надо, – строго сказал он ей. – Пиши заявление, отработай неделю – как раз соберемся, и давай, в путь-дорогу.

– А квартира?

– Да будет она здесь, твоя квартира, куда денется! Ты лучше подумай, что с детьми станется от такой жизни: пропадут ведь, сама знаешь. Или к наркоманам на углу, или по улицам – работу искать. А дельной работы нет и не будет: комбинат, гляжу, скоро совсем встанет.

– Это верно, – раздумчиво сказала женщина. – А как же мы-то с вами, ну, если не сойдемся?

– Сойдемся, – улыбнулся он, и стало понятно, каким он был не так уж давно. – В этом не сомневайся. Так решили, едем? Дело хорошее.

Она посмотрела на него ясным, как в былой молодости, взглядом, и он ответил ей таким же, положив на прилавок тяжелые грубые руки.

– Едем, – сказала она, не отводя глаз.

– Ну, вот и славно, – подытожил мужчина. – Жди меня после работы, зайду за тобой, потолкуем.

Он рассчитался, забрал хлеб и молоко и вышел из магазина. Улица была все той же – морозной, искрящейся под зимним солнцем. Но теперь он шел по этой улице совсем другой походкой. Плечи у него развернулись, да и спина, похоже, перестала болеть.

Наверное, дело заключалось в том, что наступила ясность: даже к самым сложным вопросам следует относиться со спокойной уверенностью. На свете можно решить любую проблему, если взяться за нее основательно, то есть – надежно и по-мужски.

«Вы, уважаемый писатель, все время пишете не о том и не про тех. Вы исследуете жизнь богатых, то есть, пресытившихся людей. Конечно, они “тоже плачут”, но это, по большей части, крокодиловы слезы. По телевизору, в сериалах, то дон Мигель бросает донну Марию ради прекрасной Розалии, то наоборот. В смысле, Мария бросает Мигеля ради всей той же донны Розалии. Что может дать нам, простым людям, этот слюнявый бред? Да ничего! Правда, моя жена такие сериалы смотрит не отрываясь, но не всерьез же об этих поделках говорить.

Мы, люди старшего поколения, может быть, чего-то в нынешней жизни и недопонимаем, но одно знаем твердо. Литература должна не только рисовать красивые картинки, но и учить. Чему? Если хотите, разнице между добром и злом, рассказывать о предательстве и справедливости и объяснять людям, что хорошо, а что – нет. Так что если таких принципов в книге не просматривается, то вся она – пустая, даже если в ней, как сейчас принято, описывается секс во всех подробностях.

И вот еще что. Вы, наверное, думаете, будто только у людей, закончивших Сорбонну, в сердце возникают тонкие переживания, а у быдла, дескать, их нет. Вы об этом, конечно же, прямо не пишете, но простые люди в Ваших книжках – все сплошь какие-то примитивные, как скот.

А между тем гениальный писатель Шолохов, получивший Нобелевскую премию (так что для Вас он авторитет, и никуда Вы от этого не денетесь) – у него в романе “Тихий Дон” простой казак Григорий Мелехов имеет больше переживаний по поводу своей Анисьи (или Анфисы, забыл, но это неважно), чем, может быть, граф Орлов, входивший к императрице! И что, хуже получилась литература от того, что описывает Шолохов именно простого человека?! По-моему, книга только выиграла, потому что неважно, какого сословия герои, лишь бы они умели чувствовать. Об этом бы Вам и писать!..

Вот, например, у меня за плечами Великая Отечественная война, потом – строительство мирной жизни, когда мы из руин страну поднимали. Там и встретил я свою Тоню, считайте – полста лет свадьбы недавно играли.

После войны времена были голодные, я надорвался на работе, – с тех пор и спина, и желудок, и много чего еще у меня болит. Но я знаю, что все это было не напрасно, и мне не жаль своего здоровья ради великой нашей страны.

Одно обидно: то, ради чего мы жили, теперь оплевывают. Вылезет, понимаешь, молодой гаденыш на телеэкран и лжет по поводу нашей истории: дескать, не за что было пот и кровь проливать. Лучше бы он отцу своему это присоветовал, вот бы тот его выдрал!..

А тут еще Вы со своими книжками про богатых. Одни, что ли, они теперь за образец считаются?

Я свою Тоню до сих пор так люблю, что ни одному дону Родригесу не снилось! Да и Вам, наверное, тоже такого не представить, потому что отнимите-ка у Ваших персонажей Лазурный берег, где они беспечно загорают, отнимите пятизвездочные отели, концертные залы, океанские лайнеры, шикарные рестораны, где они в гардероб сдают мантию из горностаев – что от них останется? Останутся жалкие существа, у которых кроме апломба и инстинкта собственного сохранения ничегошеньки нет! Король-то голый!

А вот мы, полуголодные, в драной одежде, цепко держались за жизнь, потому что верили в свою страну, в истинное, если хотите, величие своего народа. Каждый из нас был причастен к такой вере, рядом с которой молебны в церкви – сущие пустяки. Мы были все – заодно, мы только что победили страшного врага и восстановили справедливость, без которой фашистская чума накрыла бы всю планету.

Что чувствовали бы Вы, уважаемый, под фашистским сапогом? Да Вы попросту бы не родились, и не сидели за своим письменным столом, описывая для нас, людей бедных, происхождения господ в смокингах и дам в бриллиантах.

Я понимаю, Вы делаете деньги. Сейчас такие книжки, как Ваши, имеют сбыт, потому что среди всей этой пакостной жизни люди хотят отвлечься и хотя бы прочесть о хорошем, раз уж вокруг его нет. Народ у нас романтичный, а любовь на книжных страницах – ходовой товар. Правильно я понимаю? Вот Вы и торопитесь, зарабатываете, чтобы попасть в светское общество как к своим.

Но за такую продукцию Вам не дадут Нобелевскую премию, и Вы сами знаете, почему: халтура, она везде халтура.

Поэтому предлагаю – кончайте тратить время на поделки и валяйте к нам. В том смысле, что напишите-ка о простых людях, но так, чтобы читателя пробрало до костей. И не только такого читателя, как я или моя жена, а всякого – ваших средних лет, например.

Напишите, скажем, как сходит струпьями кожа у работника, лежащего на нарах в бараке и отдыхающего, прежде чем снова настанет его черед отправляться на треловку леса. Стране нужна бумага, и он будет валить деревья в ветер и стужу, чтобы народ мог прочитать в газетах о себе правду, а в каждом доме стояли бы томики Толстого, Достоевского, Маяковского и Пастернака.

Напишите, как городская девчонка приехала в далекое село учить грамоте детей, но ей там пришлось по своей инициативе, поголовно учить еще и неграмотных взрослых. В нее без памяти влюбился инженер-путеец и предложил: я, говорит, здесь закончу нитку ж/д, уедем в город, но она ему отвечает – нет, как же я своих селян брошу? А он: да наплевать! Я же тебя люблю! Но она осталась в селе, да так замуж и не вышла, но тогда он сам все бросил и вернулся к ней – и все-таки они оказались

вместе. Это сюжет из жизни, а не выдуманный!

Или – напишите, как раньше жили в деревнях, не запирая избу на замок, и никто ни у кого добра и денег не брал: совесть выше нужды была.

Или про сибиряков напишите, как они в шестидесятых нашли первую нефть, и на какой человеческой воле ее добывали, чтобы страна наша крепла. У таких парней были сильные руки, белые зубы и горячие сердца. Стараниями этих ребят советским людям многое предоставлялось бесплатно, в том числе и медицина. Мы своими руками, слава Богу, расчищали путь и себе, и государству: я, например, даже высшее образование заочно получил. Это ведь не то, что сидеть на яхте, покуривая сигару, как у Вас в книжках, когда на богатого работают его деньги. Вот уж халявщики! И я верю в свою страну, потому что в ней сохранился тот корень, который никому не вырубить – наша воля и наша широкая душа. Но, конечно, не богатые нас спасут, а самые обыкновенные, добрые русские люди. Мы ведь в России все, почитай, русские: и татары, и башкиры, и евреи. Кто в России живет, тот и наш. Весь народ заодно! И Родина обязательно повернется к нам лицом, когда пройдут эти трудные времена. На то и Россия, чтобы в мире была справедливость!

Поэтому совет Вам, на Ваше же благо: пишите о простых людях. Поверьте, за это Вам обязательно воздастся – и уважать в народе станут, и книжки Ваши покупать будут, так что не беспокойтесь! У нас, пожилых, есть опыт, и я Вам говорю вполне определенно: за народом – будущее. А то, что называют “высшим светом” – так себе, пена, о ней особо и рассуждать-то нечего.

Примите мой дружеский совет и не сердитесь на старика.

Адрес, телефон, фамилия, имя, отчество».

Так называемый писатель сидел возле компьютера и с дьявольской скоростью щелкал по клавишам. Слева от него лежал план нового романа, расписанный по главам, где каждый сюжетный ход обозначался новой строкой. Он заглянул в него, прежде чем снова обрушиться на клавиши:

*Анна расходится с Микаэлом;
чувствует себя свободной, хотя и несчастной;
ей встречается прибывший в увольнение капитан морской пехоты;*

тот женат (о жене – два слова, сдержанно);

*капитан – богатый наследник, решивший всего добиться собственными усилиями, по-мужски;
когда капитана срочно вызывают на военную базу, к нему приходит телеграмма, из которой Анна все о нем узнает.
Поскольку у них случилась ночь любви, то Анна находится в его номере, когда приходит известие из его дома;
Анна пытается дозвониться на базу, но там уже...*

Дальше требовалось перевернуть страницу, но и без того работы с текстом, обозначенном на листке, хватило бы на час, не меньше. Сочинитель отлебнул остывший кофе и, закуривая, распечатал лежащий среди почты конверт. Адресат был неизвестен – наверное, обычный читатель, как и прочие.

Пока длилось письмо, дымилась и сигарета. Потом окурок был раздавлен в пепельнице, и сочинитель обвел глазами убогую обстановку собственной комнаты. В углу, чуть покосившись, стоял старый шкаф, где хранилось два костюма и спортивная форма для воскресных пробежек. Возле двери – три пары обуви, считая стоптанные кроссовки. На втором столе, приспособленном для еды, на скатерти не первой свежести лежали остатки завтрака. Шторы на окнах были распахнуты, и летний свет обозначал, что стекла стоило бы хоть раз в год, но все-таки мыть.

В другом углу стояла плохо заправленная кровать, над изголовьем которой, прямо поверх обоев, приклеен был цветной календарь с голой девицей. Девица сложила губы бантиком, и сочинитель привычно сравнил ее маленький, вытянутый к нему ротик с анусом. Жаль, нельзя об этом написать, получилось бы очень естественно... Но публика не поймет или истолкует превратно, подумал он.

Итак, мне тут делают кучу упреков, констатировал сочинитель, почесав щеку. Лицо было синюшно-бледным, под глазами виднелись круги.

А знаешь ли ты, папаша, подумал он, про себя, отвечая на только что прочитанное письмо, что все эти романы, изданные под глянцевой обложкой и единым псевдонимом, пишут совершенно разные люди – а я только один из них? Ты сообрази, старый пень, что если в год появляется по двадцать толстых книжек за подписью одного автора, то совершенно нереальным является создавать всю эту галиматью кому-то одному, конкретному! Тексты пишут так называемые “негры”, вроде меня, другие “негры” все это редактируют, выравнивая стиль под нечто общее, а третьи – издают.

Навар здесь, или точнее, то, что раньше называлось гонораром – крошечный, потому что всю прибыль забирает себе не издательство даже, а хозяин сериала, вложивший в дело деньги. Книжки эти с единой обложкой раскручены и по телевизору, и в прессе, так что берут их, что называется, влет. И читают запоем – вроде как твоя старуха смотрит мексиканское “мыло”.

А раз читают, значит – публике нравится! Это и есть рынок. Ты можешь сколько угодно толковать мне про Толстого и Достоевского, и я тебе признаюсь: сам готов был бы заниматься серьезным писательским делом. Но на это требуется колоссальное время, упорство и вера в собственную нужность. А что, если все это окажется на рынке невостребованным – ты об этом подумал, прежде чем учить меня умразуму? Кому сегодня дело до высоких материй?

Все продается и покупается, поэтому и смысла говорить о чем-то более высоком нет. Продаюсь и я, “негр” паршивый, бывший интеллигент, выпускник университета. Красный диплом имел, между прочим! Мог бы пойти в редакцию, но журналистика все-таки не для меня. Я умею строить сюжетные линии, обозначать характеры, оттачивать психологические зарисовки... Для книжек под глянцевыми обложками таких навыков – вполне достаточно!

Раньше за это, конечно, платили, а сейчас между такими издательствами, как наше, большая конкуренция. Поэтому авторы ищут днем и ночью, но получают самый мизер, только чтобы не сдохнуть. Возможно, мои заработки даже меньше твоей пенсии, дед, и уж во всяком случае, меньше тех денег, которые имеют мои персонажи, отправляющиеся в круизы на яхтах.

Я, может, и смог бы написать что-нибудь стоящее о так называемых простых людях, подумал сочинитель, допивая свой холодный кофе и отставляя чашку. Но эти люди уподобились толпе рабов и восторга не вызывают. В Приморье, например, свет и горячую воду дают на четыре часа в день – а если на пять, то народ уже радуется. Они замерзают и вымирают, но при этом даже пикнуть боятся. А ведь, выходит, они, эти твари Божии, претендуют, чтобы о них хорошо отзывались, или, например, величали гегемоном. То есть, чтобы мысли доярки Ивановой преподносились со страниц газет в качестве высшей истины для всей нашей самой культурной страны...

Идите в задницу, простые вы мои! Вы и собственных детей-то воспитать не можете: те идут на улицу и становятся наркоманами. Писать обо всем этом серьезные произведения, наверное, не следует, потому что серьезных книжек наш основной контингент не читает, мозги у него до такого уровня не доросли. Лузгаем семечки, материмся при женщинах, мочимся по подъездам: вот, собственно, и все, на что хватает сознания у пресловутого гегемона.

Разве не так, старик, погляди вокруг? А если так, то убери свои претензии, и никогда не вспоминай о великой России: ее больше нет! Есть толпа пьяниц, не знающих, зачем живут, и есть огромное число несчастных женщин, которым не из кого выбирать отцов для своих будущих детей. Кругом одни убогие, да еще старики вроде тебя, которые вдвойне страдают от происходящего.

...Сочинитель сидел и смотрел на экран компьютера. Набранный там текст застыл, ожидая продолжения. А ведь я, может, слегка завидую этому деду, приславшему письмо, подумал он. Ведь дед застал то время, когда люди были заодно, а не каждый сам за себя. До чего же хочется, чтобы все пошло по-другому, чем нынче! Чтобы нашелся, например, кто-нибудь, встал и крикнул на всю страну:

– Неправильно живем, люди! Давайте по-другому: я знаю, как нужно!.. – и рассказал бы всем, что значит – навалиться на общую проблему всем миром и решить ее на радость каждому отдельному человеку.

Сочинитель так разволновался, что даже легонько ударил кулаком по столу. Пустая чашка звякнула, он переставил ее на другую сторону, помолчал, сосредоточился и, периодически взглядывая на экран, вновь забарабанил по клавишам.

Поскольку все, как и прежде, продавалось и покупалось, то и сериал продолжался.

ВАЛЕРИЙ МИШИН
КОЛИГОЛИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
(продолжение)

КОМАР

Минул год. Новый сезон. Новые комары. Новые примочки.

Писательский дом долго пустовал, к забору соседи набросали кучу мусора.

Стоило некогда одной писательнице неосторожно сказать, мол, *из какого сора растут стихи*, – остальным приходится за это отдуваться.

Вам не хватает сора – нате, возьмите - и такого, и сякого, и всякого. Творите, дорогие. Банки-склянки-пакеты-обёртки.

Презервативов нет. Презервативами разбирается приезжая публика вдоль залива, местные должны решать проблему демографии.

И всё же первый вопрос, давший толчок рассуждениям, – комары. Точней, комар, увязший в краске на холсте.

Я щедро плеснул краску из одноразового стакана, размазал мастихином – комар по дурости прилип.

– Коля, – зову, – у меня проблема!

Коля мигом вышел из окна, оставив дверь за неотложностью вопроса.

– Коля, скажи, как поступить? Взгляни на мои покусанные руки, в волдырях от зуда и чесотки. К комару, сам понимаешь, никакой милости, но тут он не как агрессор, кровосос, а бедолага, увязший в краске. Заметь, как он мучается, тщетно пытается выпутаться, мне его жаль – без иронии. Как он натужно перебирает лапками. Представляю, что сам провалился не в кобальт зелёный светлый, а в болотную окись хрома трясины. Как быть? Не помочь ли комару?

Коля сказал:

– Как поступить с комаром – не знаю. Но напомним разговор Льва Николаевича Толстого с Иваном Николаевичем Страховым...

(Отчество последнего под вопросом). Коля поделился байкой из прошлогодного практикума. Толстой на упрёк в том, что ему приходится убивать комаров, в явном противоречии с его идеей непротивления злу, после долгого размышления ответил: *не надо жить слишком подробно*. Так было сказано в прошлом году. Я надеялся, что на этот раз у Толстого появится иная версия. Но Коля повторил слово в слово.

– Нет, – говорю, – пример Толстого – нам не пример. Скажи сам, что делать.

– Думаю, надо отпустить комара, – очень неожиданно и решительно сказал Коля.

Я подцепил комара мастихином, вызволил из краски (комар трепыхнулся, взлететь, однако, не смог и упал в траву – ничего, оклемается) и от-

правился сообщить домашним о своём гуманистическом поступке. Меня тут же разочаровали: комар уже не жилец, от акварельной краски он постепенно бы отмылся, а от масляной завода «Чёрная речка» – вряд ли.

Вернулся, попытался найти комара. Тщетно. Комар, вероятно, уполз с глаз – умирать тайком, чтобы никто не видел его предсмертных мук и корчей.

– Коля, – зову Колю снова (теперь Коля вышел через дверь), – представляешь, мне говорят, что комар не очухается, обязательно погибнет.

– Скорей всего, так оно и есть, но зато комар умрёт свободным.

Коля перевел разговор из практической плоскости (есть у комара шанс или нет) в общефилософскую. Я сделал паузу.

Нужно ли касаться темы свободы, что это такое и есть ли она вообще, ведь это отдельная, неохватная тема и сможем ли мы поднять её в наших беседах?

Вот хотя бы насчёт комара. В комарином сообществе, как и в нашем людском, безусловно, есть разные особи: есть варвары, ненасытные кровопийцы, жадные и жестокие, а есть флегматики, мечтатели и поэты, созерцатели красоты природы. Залетевший комар, не исключено, хотел полюбопытствовать, что я являю миру в очередном опусе. И кровь чужую ему, предположим, было бы проще не сосать, а пробавляться вегетарианством, пить нектар из цветов и трав, но злодейка природа сформировала его кровососущим. Вот тебе и свобода...

На другой день я продолжил работу над холстом. В порыве творческого экстаза не заметил, как ещё один комар прилип к красному пятну. Добавил ли он в него выпитой крови – не знаю, пятно уже подсыхало на солнце.

– Коля, взгляни: этот погиб смертью храбрых, нужно его оставить навсегда в картине.

– Я бы назвал картину «Смерть Комара», но боюсь: Меламид обидится.

– Почему?

– Потому что мы прославляем только героизм одного. Выйдет как у Кирилла с Мефодием – азбуку придумали вместе, а назвали её кириллицей.

– Коля, оставим наших знаменитостей, у комаров есть своя мифология, этому герою воздадут должное: *безумству храбрых поём мы славу*. А вчерашний – не иначе князь Игорь, вызволенный из плена. О нём обязательно напишут оперу, его имя сохранит эпос, который станет литературным памятником и не окажется, будем надеяться, пастижем.

ПОЭТЕРИЙ

Одна молоденькая дамочка, душой и телом любительница водных удовольствий, заплывла почти на середину озера Разлив, вышла на берег и говорит: знаете, в воде пристают не только мужчины, но и рыбы. В действительности она столкнулась с солитёрным лещом, вздутый пузырь которого вынуждает его плавать на поверхности.

Глядя на нее, подумал: не это ли олицетворение поэзии? Прекрасная наядя, сирена, Венера, Афродита (без Гермеса), выходящая из воды. А мы – солитёрные лещи и подлещики, желающие соприкоснуться с этой красотой.

Тем не менее я вынужден был оторваться от пленительного созерцания и устроить с Колей небольшую разборку прямо на пляже.

Накануне Коля ввёл меня в заблуждение, сказав, что дикая собака динго – сумчатое животное. Я наивно поверил и включил её в цепь умозаключений (см. выше). На всякий случай отправил СМС моей австралийской знакомой, на днях прилетевшей в Питер: правда ли, что собака динго относится к сумчатым, и приручается ли она? Получил ответ: нет, не относится, не приручается.

Ладно, собак сумчатых нет, зато крысы есть (успокаивал я себя), а крысы по интеллекту даже превосходят собак.

Спрашиваю у Коли, как могло случиться невероятное и он ошибся. Уверен – это техническая ошибка, человек энциклопедического кругозора не мог ошибиться просто так. Я именно хочу узнать: как это могло случиться?

– Наверное, – говорит Коля, – мысль двигалась по схеме: – Кто лучший поэт? – Пушкин, – Кто лучший прозаик? – Толстой, – Какие в Австралии животные? Сумчатые.

Или, если угодно, другой ряд: хохол – хитрый, еврей – жадный, русский... не будем говорить...

– Нет, я слышал: хохол – жадный, еврей – хитрый...

– Хорошо, но про русского всё равно не будем говорить... Или, наконец, школьный тест. Сейчас проверим на вас. Какого цвета холодильник?

– Белого.

– Что пьёт корова?

– Молоко.

– Вот видите.

В качестве утешительного бонуса Коля рассказал, откуда произошло слово *кенгуру*. Когда Кук высадился в Австралии и увидел нечто странное, прыгающее на двух ногах, он спросил у аборигенов: что это такое? В ответ услышал: *кенгуру*. На их языке *кенгуру* означало: не понимаем.

Не мешало бы ввести это слово в употребление. В ответ на непонятный вопрос говорить: *кенгуру*.

– Коля, – продолжал я, глядя на обтираю-

щуюся полотенцем Афродиту, – мне кажется: перед нами эталон истинной поэзии.

– *Кенгуру*, – ответил Коля.

– Ах, да. Я в том смысле, что эту прекрасную дамочку можно изваять из мрамора и поставить в Летнем саду с табличкой «Poetry» рядом со «Сладострастием».

– *Кенгуру* тоже могла бы стать символом. Вечно брюхатая Муза с полной сумкой рукописей.

– Вряд ли, уж больно беспорядочно скачет, куда ни попадя, пока на автострате не сожмёт автомобиль. Мой знакомый в Австралии за год сшиб пять штук. Коля, мы в 21-м веке, по всем прогнозам – феминистическом. А поэзия, вообще, женское дело. Мужики стараются. *Будут яблоки, будут цитрусы, я сниму брюки, снимешь ты трусы* (Славка Славинов, университетский поэт 60-х, царство небесное, помянем, Господи, душу его, лет десять как помер). Гениально. Но на такой пассаж поэты могли ответить просто и убедительно: *Пойди-ка, милый, вынеси ведро* (Наташка, фамилию не помню, некогда любовь Володи Евсеева). Или: *Спокойно, милый, я спокойна* (Татьяна Царькова, ранняя подруга Виктора Топорова). *Мне кажется, что вы больны не мной* (Марина Цветаева) написано задолго до появления СПИДа и *Бери меня, пока ещё способен* (Петр Чейгин). Лесбийские наклонности Цветаевой в стихах едва заметны, время было такое: на показ – совестливое. Зато нынче Любовь Лебедева высказывается ясно: *Едешь из Подмоскovie к любовнице в Питер. Она татарка, глаза раскосые: минетчица, массажистка, литературовед*. Ещё пример для сравнения. Кузьминский (Константин Константинович), чья поэзия как последняя капля на кончике пера, которую никак не стряхнуть: *Играла ты на пианине, а я лежал на фортепьяне. <...>*

Коля, следует сказать: в мужских стихах есть какая-то искусственность, мало непосредственности. В лучшем случае – это интеллектуальная, даже высокоинтеллектуальная игра. Мужчина бесплоден, это его тяготит, у него есть поллюции сновидений и семяизвержение заумей, но нет безудержного менструального потока мировой стихии. Он пробует залить пустоты алкоголем, улететь в неизведанное в наркотическом бреде, слиться в едином любовном порыве с женщиной и взять у неё энергию. Только завистью можно объяснить, почему ККК не включил в антологию «У Голубой Лагуны» женщин, ограничившись несколькими фигурами, находящимися в эволюционной стадии перехода в иное качество. Коля, участь мужчин в 21-м веке незавидна. Появятся новые Голды Мееры, Кандолизы Райсы и Юлии Тимошенки, которые будут верховодить мужчинами, использовать их в качестве тягловой силы или пушечного мяса, дабы вершить полезный труд...

КОШКА В ОКОШКЕ

Муська, сиамская кошка, с рождения была миниатюрной. Её отец – здоровый котяра, брат – верзила, а Муська – вечная дюймовочка, нимфетка, гризетка, мадам баттерфляй, чио-чиосан (кто угодно, перечисляю, забыв, что к чему, чисто по звуку).

В начале лета Коля приезжает на дачу, привозит нужные вещи, обустраивается, а через пару дней привозит Муську. С её появлением переезд из города как бы завершён. Муська первым делом пускается в «загул», оповещает местных котов: я здесь. Иногда домой возвращается на третьи сутки. После такого загула, само собой, должен быть результат.

– Нет, – говорит Коля, – Муська гуляет, но котов – ни-ни – держит на расстоянии.

В этот раз она активно флиртует с чёрным котом с белыми подпалинами, с условным именем Масик (на другие не отзывался). Они бегали по участку, прятались в дальних углах, грелись, развываясь, на солнце.

Под вечер Коля уехал в город, оставил открытым окно и попросил проследить за кошкой. Выхожу утром на крыльцо, гляжу: из окна выпрыгивает чёрный кот. Звоню Коле:

– Джером Клапка Джером отдыхает. У Муськи этой ночью был любовник.

Весь день кот был на виду, вертелся у нашего крыльца.

– Что, фразер, – говорю, – решил дачку снять на лето поближе к подружке?

Однако после выяснилось – кот кастрированный, в дом забирался исключительно за едой. У нас он всё-таки пристроился, с Муськой же никаких контактов больше не было.

Вслед за черным котом стали наведываться другие. Серый, обросший, полубомж-полубитник, пролезал через дырку в заборе; белый, домашний, ухоженный, проникал через калитку; рыжий появлялся неожиданно из-за кустов. В эпизоде была ещё парочка, неопределённой расцветки и породы. Они делали вид, что поглядывают в окно – не выйдет ли Муська, на деле больше интересовались миской с харчем. Эротика оставалась за скобками и забором.

В городе по объявлению в газете Муську пытались свести с породистыми сиамскими котами. Безуспешно. Ветеринар сказал, что у неё из-за миниатюрности могут быть проблемы с родами.

Она, очевидно, сама это ощущает и предпочитает оставаться девственницей, имея мечтательный поэтический характер, часами наблюдая за птичками и букашками, созерцая «движение в видах» (любимая цитата поэтессы Тамары Буковской из Петра Андреевича или Андрея

Ивановича Вяземского). Раз в три месяца у неё бывают «заходы», Муська рвёт и мечет, помогают, очень условно, успокоительные капли. Муська остаётся обворожительной и неприступной Зинаидой Гиппиус с известного портрета Валентина Серова.

Почему вспомнилась Гиппиус?

– Коля, обратите внимание: Гиппиус писала замечательную, умную прозу, стихи же были не ахти, сравните хотя бы с Ахматовой или Цветаевой.

– Значит, в поэзии она была не столь талантлива.

– Талант талантом. Думаю, не совсем так. Острый ум, наблюдательность, жесткость стиля – почти достаточны для прозы. В поэзии нужно ещё что-то. Особенно женщине. Способность *дойти до самой сути и езда в незнаемое* у неё почему-то связаны с основным предназначением, уготованным природой.

– А как же Сафо? Она не имела детей и вообще была лесбиянкой. Возможно, именно поэтому и писала стихи. В древнем мире мужчины для любви часто выбирали юношей, оставляя женщину со своими заботами.

– Не хотите ли вы сказать, что наметившийся нынче подъём в женской поэзии вызван явным возвратом к традициям древности?

– Я бы не проводил в данном вопросе параллелей. Ни Ахматова, ни Цветаева не были примерными матерями. Последняя даже могла, привязав малолетнюю дочь к детской кроватке, отправиться по «литературным» делам, скажем, к папаше Паше Антокольскому.

– Вероятно, речь идёт о стремлении любой ценой достичь результата, дабы не быть ущербной. В свое время ходили упорные слухи о попытках Ахмадулиной стать матерью. (Некорректно пересказывать слухи, но ведь слухи являются не меньшим показателем времени, чем сами факты). Ни от одного из мужей она не могла забеременеть, взяла даже приёмного ребёнка, наконец, возник сын Кайсына Кулиева, который справился с задачей. Бесплодность для женщины может стать жизненной катастрофой. Если вы скажете, что это никак не влияет на творчество, – не поверю. Для них это нечто, как для нас с вами отказ от мечты когда-либо побывать в Австралии и увидеть кенгуру на фоне природы, а не в зоопарке.

– Кенгуру.*

– Да, да, вспомнил: не понимаете. Тогда я тоже: кенгуру.

Муська выглядывает из окна. Наблюдает, как Масик вздремнул у пустой миски, серый кот перебирается через забор, белый удаляется за калитку.

Муська предаётся воспоминаниям. Пора писать мемуары.

АЛЕКСАНДР НИКИТИН-мл.

И Я РЕШИЛ УЕХАТЬ...

И я решил уехать...

Решение это далось мне вовсе нелегко. И спонтанным его тоже не назовешь. Прежде чем оно превратилось из легковесной и прозрачной мечты в крепкую мясистую уверенность, прошло уже несколько дней.

Это время я использовал, чтобы изрядно поднадоевшие бытовые проблемы перестали сковывать мое сознание. Нельзя сказать, что я придавал им большое значение, но уж если подходить к задаче основательно, то почему бы и нет.

Мои действия по избавлению от связывающих меня с действительностью дел были продуманны и своевременны, что нехарактерно, - ведь всю жизнь я начинал делать что-то новое, не успев толком начать задуманное ранее.

Свободный и независимый, в последнее время я осознал небывалую свободу. Вместе с тем я чувствовал себя словно прозрачным и невидимым в этом мире, который так скоро перестанет быть моим. Сегодня я неспешно шел по улице и ощущал, будто проходящие мимо люди вовсе меня не замечают. Честное слово. Вполне возможно (я в этом уверен), что при большом желании я смог бы проходить сквозь стены, словно призраки из американского кино класса В. Но потребности в этом я не ощущал. Так можно и до смерти кого-нибудь запугать. Да и к чему это? Разве что подсматривать за чужой жизнью. Так она меня и не интересовала особенно. Ни сейчас, ни раньше.

На душе спокойствие. Есть, конечно, один неприятный момент. Я снова достал из куртки мобильный. Вчера в 1:00 я ей звонил... Длительность вызова не отображается. Наверно, не сняла трубку. Да и с чего бы?

Сам факт звонка я не помню напрочь. Что неудивительно, ведь вчера я устраивал прощальный вечер. Для меня – пустая формальность, набор общих фраз и предсказуемое пьянство. Но раз уж я решил подойти к своему отъезду основательно, то пускай и так. Все как у людей...

Сам вечер я также помню смутно. Наверное, было весело. Или как обычно – поначалу грустно, потом весело, хоть и не уезжай никуда. Зато потом опять грустно, да так, что в глазах темнеет. И одиночеством накрывает как следует – с ног до головы.

Я иду и не знаю – радоваться мне тому, что она трубку не взяла или нет. Поразмыслив, решил, что надо радоваться. Все, как говорится, к лучшему.

А если кто спросит – чего это он уехать решил, то я отвечу твердо, аргументировано. Раньше, скажу, я шел к метро, а старый дед неподалеку

лотерейными билетами торговал. Был я ребенком – торговал, подросток – торговал. В стране что-то менялось, улицы другими становились, а дед все тот же. И одет так же, и билеты все те же. А вот несколько дней назад я заметил, что нет его. Воспаленное мое воображение сразу среагировало – уехал он, как мечтал уехать я – бросил свою лотерею, взял билет, не глядя, и все. Поминай, как звали. Так красочно воображение это обрисовало, что разум снисходительно промолчал. Тогда и я решил, что надо ехать.

Вот сажусь в поезд. Места взял, какие попало. Ехать буду долго (знать бы куда).

И, конечно, подсаживается ко мне какой-то подвыпивший гражданин. Им бы стороной меня обходить – я и с трезвыми-то общаться не любитель. Но куда бы я ни шел, куда бы ни ехал – везде наткнулся на философа, который потерял моральную опору, да и от потери физической недалеко.

Этот явно интеллигент. Одет прилично, выражение лица – скорбное. Предложил составить компанию. Почему бы и нет, с такими можно общаться междометиями, главное поток мыслей не перебить.

Попутчик мой действовал предсказуемо – сначала выпить с ним предложил, потом спросил, знаю ли я что такое счастье? Я устало ответил, что не знаю.

- Вот! - говорит, в том-то и проблема.

Ну, а дальше, как водится, поток сознания. Я слушал фоном, однако местами отмечал неглупые мысли. И почему их (неглупых мыслей) так много у алкоголиков и бомжей?

Может, оттого они так в хвосте социума и плетутся, что думают слишком много. Горе от ума, вроде как. А может им просто заняться больше нечем.

Так бы себе и ехал. Вдруг мобильный звонит. Странно, что он вообще еще ловит.

- Алло, ты звонил вчера?

- Ну, по всей видимости...

- Понятно. Чего хотел?

- Я просто хотел сказать, что...

Вот и перестал ловить.

ОТРЫВОК ИЗ РАССКАЗА "НОЧЬ"

... Мою голову накрывало все больше и больше. В руке я держал тяжеленный кейс, набитый деньгами. Почти отключившийся мозг все же напоминал, что очень скоро меня хватятся, и бежать мне, по большому счету, некуда. И сам факт кражи, а затем бегства с чужими деньгами – разве мог я еще вчера, да что там вчера – сегодня вечером, представить себе такое.

С другой стороны, это уж точно НЕОРДИНАРНО. Все свое детство и юношество я посвящал бесконечным раздумьям о предсказуемости своей жизни. В моем воображении рождались сотни неожиданных поворотов – трагических, счастливых, любых иных. Их объединяла только спонтанность возникновения. При этом моя внешняя жизнь продолжала течь в своем русле – никаких серьезных событий. Порой я был готов сесть на поезд и уехать из города - от своих проблем, от учебы, а затем от работы, но ни на что подобное никогда не решался. В последнее время я смирился с тем, что, однажды ступив на Землю, человек пройдет свой путь от начала и до конца так, как было суждено. Факторов, заранее определяющих судьбу человека, я насчитал немало – от географического до материального. Но важнейшим признавал те, что еще до рождения предопределяли жизненный путь каждого. Если человек глуп изначально, то впоследствии он это не изменит. Конечно, он может усиленно впитывать чужую мудрость из книг, а если он при этом еще и любознателен, то к концу жизни даже самый сложный кроссворд не устоит перед его натиском. Вот только разум, мертворожденный изначально, печатным словом не воскресишь. И это только один из примеров. Конечно, можно вспомнить многих великих, чьи судьбы, словно зигзаги, бросали их из грязи в князи и обратно, тех, кто боролся со своей судьбой и побеждал в этой нелегкой схватке. Но и тут я находил некоторую предопределенность: такие люди либо талантливы, - что, безусловно, есть дар врожденный, либо изначально наделены жадой борьбы.

Эта мысль об изначальной данности неожиданно успокоила меня, и уже пару лет я жил в мире с самим собой и с остальным населением планеты. Мои сильные стороны меня устраивали, а слабые я принял как должное. Инфантильность я считал основной. Поэтому сейчас, сидя в каком-то неосвещенном дворе в центре города с кучей денег и без дальнейшего плана действий, я был необычайно поражен самому себе. Это чувство даже немного подавляло уже подступавший страх и следующую прямо за ним панику.

На тот момент из двух вечных вопросов в моей голове вертелся только один – что делать?

Кто был виноват, я уже знал, но на самобичевание не было времени. В своей проблеме я видел два возможных исхода: вернуться к тому дому, оценить обстановку и отдать деньги хозяину либо своим подельникам - или скрываться и уезжать подальше из города. Оба варианта были заманчивы, надо сказать. К тому времени, как я начал рисовать себе возможные продолжения обоих сценариев, подоспела паника и покрыла меня мелкой дрожью. Практически в иступлении я достал из кармана флягу и сделал хороший глоток. Через минуту мои планы изменились.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

АНАТОЛИЙ ДОМАШЕВ

– Это что там происходит?
– Это жизнь твоя летит,
ни души в ней нет, ни тела,
слышно лишь в ушах свистит.

Бестелесна и раздета
пролетает в вышине
ни со светом, ни без света
жизнь, не видимая мне.

Раньше с нею был я цельный,
кокон я теперь, футляр,
я стою пустой, отдельный
от её волшебных чар.

Нету даже тени рядом
от летящих в верх и в высь
и не знаешь долго ль надо
горевать ещё за жизнь?

Ничего нигде не вижу, –
ни приметы, ни следа,
нет её родней и ближе,
но уходит навсегда.

– Не вертите головою
что прошло, то не догнать,
жизнь уходит за спиною,
потому и не видать.

Но тут дрогнул чуть приметный
проблеск звёздного огня,
и качнулся крестик медный
под рубахой у меня...

ВЛАДИМИР БЕСПАЛЬКО

Под волнами скользящих облаков
Проселками, проспектами веков
Проходят поколения – став землей,
Возвысив над собой культурный
слой.
В песочнице планеты детвора
Самозабвенно трудится с утра,
Возводит пирамиды, храмы, верфи,
Приоткрывая в будущее двери.
Магнитные песчинки на ветру
Развеются, рассыплются к утру.
Под грудой сокроенного песка
Такая боль и радость, и тоска.
А волны облаков, я к ним привык,
Глядят на жизнь, как я на черновик.

АРКАДИЙ ИЛИН

Э.И. Максимовой

Не будем оплакивать школу –
подумаешь, зданье снесли,
где школу творя и крамолу
рельеф изучали земли,

и флору, и фауну прерий,
явлений физических суть,
историю стран и империй,
земной эволюции путь.

Нам дальние виделись страны,
просторы родимой земли,
рассветы, закаты, туманы...
Подумаешь, школу снесли.

Сидели за партами в классе,
потом их сменили столы.
И мир, нам казалось, прекрасен.
Подумаешь, школу снесли.

И мы в телескоп на планеты
и звезды смотрели с земли,
хвостом любовались кометы.
Подумаешь, школу снесли.

Театр Мариинский напротив,
собор с колокольной вдали,
волнение духа и плоти.
Подумаешь, школу снесли.

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА

Как англичане к остальной Европе,
Так петербуржцы к остальной России –
Островитяне... И наречье наше
Как будто бы не слишком и отлично
От говора всех прочих мест и сел,
Но в нем звучит другой металл, похоже,
И геометрия стального классицизма
Спрямяет гласные, согласные чеканит,
Подобно профилям на памятных медалях,
Где волосок прилеплен к волоску –
Здесь нету места ветру перемен,
Что превращает в хаос шевелюры,
Здесь время, как гвардеец на параде,
Стоит во фрунт и смотрит, не мигая,
Все зная наперед, как Бог –
и сны, и тексты.

Так книги нет еще, но есть уже название –
Островитяне...

БОРИС ЛИХТЕНФЕЛЬД

Небо уходит из-над головы
Всепоглощающее увы
жизнь обесценивает без кавы-
чек предъявляя к оплате
Сбросив заботы побочные с плеч
тянется ввысь неспряямая речь
обращена в никуда бесконеч-
на полувнятном закате

Что ни захватит сведет к одному
то есть с ума истерзает изму-
чает что суть а окажется му-
тьмою протяжно мычащей
Но и во тьме не смыкает уста
гонит и гонит словесное ста-
до глухома- никогда не уста-
нет ни просвета за чащей

Век промелькнёт невидимкою-век-
шей не щадивший фальшивейший век-
сельской дорогой меняющей век-
торными тропами в хвое
Небо затягивает как боло-
то и другое замкнут моноло-
где остановится на полусло-
веретено мировое

ДМИТРИЙ ВИНОГРАДОВ

РАЗНОТРАВЬЕ

В молчании твоём — слова нездешней речи,
В признаниях твоих — святая простота.
Я ждал тебя давно. Я рад случайной встрече.
Пойдем бродить в тени без всякого креста.

Там тайная страна вселенского покоя,
Импери́я цветов и царство разных трав.
Ни ты, ни я пока не знаем — что такое
Уйти из тени в свет, не ведая, кто прав.

Открытие миров — задание поэта,
Как древняя стрела, печаль его остра.
У ног твоих лежит граница тьмы и света.
Осталось сделать шаг. Пойдем со мной, сестра.

АРСЕН МИРЗАЕВ

СРЕДНЕПОЭТИЧЕСКОЕ

Я ВАС любил
неоднократно:
и долгимиз и мнимин очами,
мо розкре пчал
и утромпо-
лярн ымсн ежн ым,
смежным с таким же вечером,
практически конгени(т)альным...
мо розкре пчал
о чем я? — ах! — любовь!
Так вот,
я, помнится, от холода дрожал
(зимапо ратор жествкре стьянск ихи поп оек),
но был в лесу,
вернее, оставался...
мо розкре пчал
И вот момент настал.
- Какой?
— Любится с Вами:
и долгими ночами,
и вечерами,
мо розкре пчал
и утромпо
(лярным, снежным),
и днем...

Я Вас пытался не любить
не-о-дно-крат-но
но
никакне получалось
ибо:
мо розкре пчал
бол ела гол ова
и Костядзю
с Мейвезером сражался...
и Костядзю
с Пинедой насмерть бился
и Костядзю
столкнулся с KostyaTsyu
и победил...

С тех пор
любил с е б я
не-о-дно-крат-но.

ВАЛЕРИЙ МИШИН

УЛИТКА ПОЛЗЁТ ПО СКЛОНУ

улитка ползёт по склону
пересекает косую мышцу живота
вползает на грудь
ещё движение и коснётся соска

после дождя улитка выбралась на свет
выползла из сюрреализма
и устремилась к намеченной точке

смотрю и не знаю
как тебя воспринимать

то ли это живая натура
модель для добросовестной студии
часть пейзажа и интерьера
то ли следствие внезапного бреда

хочу всё-таки увидеть
что будет раньше
улитка достигнет цели
или ты проснёшься

МИХАИЛ ОКУНЬ

ПЕТЕРБУРГ

Гнутая решетка сквера,
Переулок Щербаков.
Подъёмная фатера,
Стук веселых каблучков.

Это барышня заходит,
Это век какой-то там.
О погоде речь заводит,
Мажет сладким по губам.

Я родился в этом веке,
Я стоял под фонарем.
Рассуждал о человеке,
Снял квартиру в подьёме.

Водку пил в «Капернауме»,
Стерлядь ел, посуду бил,
И плевал на всех в Госдуме,
И ту барышню любил.

Мыкался в ее передней,
У Пяти углов кружил.
Это я, совсем последний,
До двухтысячных дожил.

И гляжу на город этот,
На провал его лица,
На залив стального цвета –
Без конца...

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

Из цикла *Литературная премия Веспасиана*

Не греческой губкой – гигиенической прокладкой
между жизнью и культурой – поэзия впитывает
их экскрементальные выделения. Впитывает,
впитывает, впитывает и, насытившись влагой,
затяжелев кровью, потом, спермой, слизью, слезами,
она отдаёт, вдохновляет, воспитывает, питает...
Толстого Диму Быкова – жизнью Пастернака,
мужеподобную Ирму Кудрову – любовной истерикой
Цветаевой, старого мальчика Мишу Кралина –
фригидной велеречивостью Ахматовой,
странствующего семинариста Жолковского –
её же провинциальной царственностью...
Да мне-то что за дело на кого из перестарков
Серебряного века прыгала в темноте Цветаева,
с кем из балетных кукляшек спала в одной
постели Ахматова, кого прельщал Кузмин и
что было бы, если б жена Пастернака нашла
серную кислоту и плеснула в лицо Ивинской...
Торжество сослагательного наклонения.
Победа дательного падежа. Бегство родительного
в анналы истории...

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

В белых брюках и старомодной панаме
проходя по берегу
он попросит подвезти

Поднимется ветер
С рулевого слетит фуражка
Неловкая попытка поймать
и шлюпка перевернется

Гребцов выловят через неделю
Рулевой попадет в сети через месяц
Через год разбитую о камни шлюпку выбросит на берег
Еще через два года он присядет на засыпанные песком
обломки
Потушит сигарету о полустертый номер на борту
Отряхнет белые брюки
И пойдет дальше

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН

К 255-летию со дня рождения Антонио Сальери

САЛЬЕРИ И САЛЬЕРИ

Небольшая трагедия

Действующие лица:

Сальери

Отражение Сальери в зеркале

Голос Моцарта за сценой

Комната. Посередине стол и два стула. На столе полдюжины бутылок шампанского и фрукты. В углу справа напольное зеркало. В углу слева напольные часы с боем. Пробив семь раз, часы исполняют тему арии «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный» из «Свадьбы Фигаро». Сальери, крупный мужчина лет сорока, в халате, шлафроке и шлепанцах, нервно рассказывает взад-вперед.

Сальери.

Нет отдыха измученной душе.

Мне сон не шлет отрады и забвенья.

Опять звучит, опять она звучит

По радио, в часах, в концертных залах,

На стадионах, в кабаках, во сне –

Везде она, прикольная музыка.

Ты, Вольфганг Амадей, меня достал

Так, что двух нот уже связать нет мочи,

Не то чтобы нетленку заболтать!

Всхлипывает.

Родился я с любовью к искусству,

Разъял музыку, точно труп, – и что?

Является на свет гуляка праздный

И шлягеры как блинчики печет.

Рыдая, останавливается перед зеркалом и пристально в него всматривается. Затем рывком распахивает халат, надетый на голое тело, и обращается к зеркалу, точнее, к своему отражению в нем.

Любуйся же, что сделал он со мной!

Творить способность отнял, точно бритвой

Член творческий – страдавший член – отсек

Безжалостно. Я превращен в кастрата!

Смеется навзрыд. Зеркало безмолвствует.

Я к Богу обращался – тот молчит,

Я к Бомарше – после премьеры запил.

И вот однажды в тишине ночной

Я Дьявола дерзнул побеспокоить.

Он внял мольбе и дельный дал совет:

«О с т а н о в и – не то вы все погибли!»

Отражение в зеркале (простирая руки к Сальери)

Одумайся, несчастный, отступись

От замыслов заведомо ужасных!

Сальери

Поверь, стекло, я отдаю отчет,

Какой брильянт мы вскоре потеряем!

Отражение

Учи, безумец, сорок лет пройдет

И заклеят тебя позором Пушкин!

Сальери

Не спорь со мной! Мне Пушкин не указ!

Свой опус он создаст из глупых сплетен.

Отражение

Всеобщая молва тебя убьет

И меломаны гневно отвернутся,

Симфонии твои не прозвучат,

И «Тартара» вовеки не поставят.

Сальери (свирепея)

Пусть канут навсегда в тартарары

Симфоний сорок штук и девять опер!

Заткнись навек, постылое стекло!

В тебе я не желаю отражаться!

В ярости разбивает зеркало. Часы бьют восемь раз и исполняют «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный».

Сальери в ярости подбегает к часам и опрокидывает их.

Тотчас раздается стук в дверь.

Сальери (в панике)

Ба, это он!

Хватает веник и начинает подметать осколки зеркала, но тотчас бросает это занятие, подбегает к часам и в спешке ставит их вверх ногами, между делом повторяя

Скорей, скорей, скорей,

Скорей, скорей!

Стук повторяется.

Голос Моцарта

Антонио, ответь!

Ты дома ль, милый? Отзовись, Антоша!

Я «Реквием» сегодня сочинял

И божество мое проголодалось.

Сальери (раздраженно)

Да тут я, тут!

Берет себя в руки.

Но милый друг, постой,

Дай натыну сюртук и панталоны

И ужином отменным ублажу

Желудок твой, а ум – беседой тонкой.

Быстро переодевается, позабыв при этом снять шлафрок. Затем подбегает к столу и, достав из кармана пузырек, сыплет порошок в один из бокалов, между делом приговаривая

Я яду превосходного добыл,

И нынче же ты к праотцам отбудешь

Без проволоочки, без особых мук.

Всё сделаю по Пушкину, приятель.

Всхлипывает.

О Моцарт, Моцарт, я тебя любил!..

Громко.

Входи, любезный! Мы на славу выпьем...

Шепотом.

На посошок...

Утирая крупные слезы, идет открывать.

Занавес

СЕРГЕЙ ФРОЛЁНОК

Человек, потерявший работу,
Человек, потерявший жилье,
Променявший святую субботу
На ночное безделье свое,

Что ж ты бродишь в свой век одинокий,
Ранних мыслей срывая цветы
У горящей полосы Востока,
Выползающей из темноты.

Да и кто ты такой у развалин,
У текущего в море ручья —
Будь и так по сей день благодарен,
Что семь дней — все твои сыновья.

День придет — станешь хлебом и птицей,
День пройдет — и поднимешься с ней,
Да и кто ты такой, чтоб над северной дикой столицей
Второпях рассказать о весне.

ДАНИИЛ МИШИН

Южный базар. От «нельзя» до «не велено»
Прячутся грозди горбятых бабешек.
Серые рыбы семейства форелевых
Быются хвостами в сачке из-под бабочек.

Три килограмма — одиннадцать утварей.
Жили иль не жили — рыбы не граждане.
Радужный свет чешуи перламутровой
Станет в муке облицовкой бумажною.

Ждёт их тепло, но не солнце лучистое,
А сковородки томление жаркое.
Серую рыбку семейства пятнистого,
Хоть и немного, но всё-таки жалко мне.

Жалко у пчёлки. Пожаришь и съешь её,
Гнутую вилку протянешь навстречу ей.
Ей бы — кошёлке — прикинуться ветошью,
Лечь бы на дно, чешуёй не отсвечивать.

Не сберегла она тело упругое,
В Сочи жила, только прикуп не ведала,
Лишь для того, чтобы ей и подругами
Нынче большая семья отобедала...

Плыть по течению — рецепт не стареющий,
Но не смывающий чёрные полосы.
Рыба — не птица. Летать не умеючи,
Ляжешь костями под изысканным соусом.

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДЕНКОВ

Идешь, как на зов трубы,
В лес. Собираешь грибы?..
Вздор! То был зов судьбы,
Взор ее, вздох: «Ты был»...

Лес перекроет воздух,
И — ни вздоха в ответ.
Знакомая горихвостка —
Издали! — шлет привет.

Что ж... Ей пора в Египет
На зиму. Ты же весь —
Здесь. Этим лесом выпит,
Сам обратишься в лес.

Будто бы!.. Горихвостка,
Вернувшаяся к весне,
Не опознает: поздно.
Решит: «Прошлогодний снег».

И он сейчас же растает,
Но — поручусь! — не весь:
Ты ж никогда не в стае,
Пусть даже стая — лес.

И — что же: вновь по грибы?..
Вновь. Это род борьбы
С осипшим горлом судьбы
За право шепнуть: «Я был...»

ЕВГЕНИЙ МЯКИШЕВ

Ты не плачь понапрасну - негоже
Сырость в сердце-сырце разводить.
Задудонь изумленье на роже,
Восхищенье, упрямую прыть.
Нечем крыть будет мне понарошку
Трехгрошевую резвость твою -
И, взяхлёб, совершая оплошку -
Как всерьёз погибают в бою,
Я тебе подпою и подвою,
Осиянный морёною тьмой,
Говорливой водой ключевой,
Растворённой в округе немой.

НАТАЛИЯ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

1.

Смерть — зеленые холмы,
мутные потеки мела.
По дороге той — не мы,
только я. Я так хотела.
Благостный цветет жасмин
возле горной речки — пусть.
Ты останешься один.
Я с тобой не поделюсь
ни холмами, ни теплом
летнего сухого дня...
Ни жасминовым кустом, —
тем, что вырос из меня.

2.

Злой девочке завидую не за то,
что красива или умна,
а за то, что выбежит без пальто
и крикнет вслед: «Да пошел ты на...».
За то, что ее пылает злость,
ни креста не ведая, ни костра,
за то, что так мне — не довелось...
И уже не успеть, сестра.

ĚǺĬĬŮ ĚǺǺǺǺǺǺ

CÀÒßÍÓĚÎÑŮ...

[illegible]

**ВЕРА ВИНОГороВА –
из ВИСЛАВЫ ШИМБОРСКОЙ
ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ**

Могло случиться.
Должно случиться.
Случилось раньше. Позже.
Ближе. Дальше.
Случилось не с тобой.

Уцелел, потому что был первый.
Уцелел, потому что был последний.
Потому что один. Потому что люди.
Потому что влево. Потому что вправо.
Потому что дождь. Потому что тень.
Потому что светило солнце.

К счастью, там был лес.
К счастью, не было деревьев.
К счастью шина, крюк, балка, тормоза,
фрамуга, поворот, миллиметр, секунда.
К счастью, соломинка плавала по воде.

Несмотря на, так как, а все-таки, кроме.
Что бы было, если бы рука, нога,
на шаг, на волос
от стечения обстоятельств.

Значит, существуешь? Прямо с того мгновенья?
Сеть оказалась в одну ячейку, и ты в неё?
Не могу надивиться, намолчаться этому не могу.
Послушай,
как сильно бьется для меня твое сердце.

ПОЛИНА БЕСПРОЗВАННАЯ

Перепомянут и поведут.
Туда, где пахнут отдых и труд
Одинаково – старческой гнилью.
Где тихий маразм, недержание мочи,
Артриты, артрозы, дурные врачи
И прочих чудес камарилья.

Перепояшут, потянут. А ты
Начнешь вырываться, страшась темноты
и даты, где прочерк.
Твердить, что не допил и не долюбил,
Не доглядел и не недоплатил...
Не наигрался, короче.

Рёвы-коровы обиженный рёв.
Смертью природа полна до краев –
Вот ее добрые вести.
Не говори, что скупа и тупа.
Вверх посмотри. Усмехнись. И ступай
С честью навстречу бесчестью.

МАРИНА СПИВАК

* * *

Он увидел одеяло -
Грязи варварская пленка
Незаметно покрывает
Кожу нежную ребенка.
А ещё она бывает
Крепче камня и металла,
Если влезет к вам в жилище,
Победит любых, кто ищет

Путь её уничтоженья.
Не спасет вооруженье –
Сила варвара в разрухе.
Можно уползти на брюхе,
Но, увы! Нельзя отмыться,
Только заново родиться.

Побежден. Ногтей не чищу.
Не отбил налет в надежде
На подмогу. Жду, как нищий
Где осесть. Рука невежды
Перебила хрупкий мрамор,
Не по злобе – так, играя,
Надписей не разбирая.
Молодцы! Решили с боем
Каждый стать большим героем.
Быстро, просто рушить зданья.
Страстны юные созданья,
Интересно мрамор бьется!
И откуда что берется?

Прямо – рабство. Смерть – направо.
А налево – жизнь в изгнании.
Греки нищие не правы.
Нет искусства. Ожиданье,
Что тебя спасет катарсис,
Приведет к одной разрухе.
Проще сбегать к потаскухе,
В катакомбы к назареям,
Если вовсе озверюю.
Там у них любовь спасает.
Может, правда?

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН

У МАГАЗИНА

Пророк с патриотической бородкой
упорно проповедует порок:
«Пусть сердце плавит праведная водка
и миром правит плавленный сырок!»

Ася ШНЕЙДЕРМАН

Рыбу разделявая:
чешую счищая –
превращая в гладь
серебристую рябь,
скользящим блестяще ловко
лезвием-лодкой
под полосатым парусом пальцев;
с тяжелым всплеском
вспарывая поверхность
брюха –
на дно падая
с аквалангом камнем;
кишки-канаты,
скрученные аккуратно,
вырезая;
пробираясь вдоль внутренностей
среди застрявших
рыбешек и водорослей;
энергичной струей
из крана
в пробоину бьющей,
вымывая горчайшую жижу;
придерживая влажную мякоть, –
вырывая остов,
ребра ломая,
точно ребра галеры
в неравной драке;
на равные доли деля,
голову отсекая, –
древние действия верша
с ней –
на столе распластавшейся
рыбиной –
не встречайся
взглядом.

ВАЛЕРИЙ КИСЛОВ

Нам не дано предугадать,
Зачем в душе наступит слякоть,
Когда нас дернет вдруг рыдать
И кость избыть в вакуумную мякоть.

Зачем аршин? При чем тут стать?
Куда, кому и что здесь мерить?
Откуда будет благодать?
Как полюбить, коль не поверить?

Умом рассеянно понять
Мы не сумеем ничего
Не лучше ль просто как-то внять
Далекий зов, да легкий звон, великий знак Его?

ОЛЕГ ОХАПКИН
ОДА ПРО ВСЕХ НАС

Ведь и за нас Христос распялся.
Мы выпьем пиво и пойдем.
Союз советский зла распался.
И мы промокли под дождем.

О, сколько грешников за Богом
Пошли. У нас ведь есть Христос!
Какая пройдена дорога
Меж терний и прекрасных роз!

О, вы, художники, поэты,
Правозащитники, певцы!
Вы зло принудили к ответу.
Вы были Бога пришлецы.

И Ангелы на саксофонах,
На трубах вторили певцам.
И разнесли радиоволны
Про нас поэзию слепцам.

Ведь мы любили, мы любили
И за Христом вседневно шли.
И Ангелы нас не забыли.
Они за нас плевелы жгли.

Они на трубах и органах
Нам вторили. Помилуй, Бог!
Мы были ведь не при наганах,
И легких не было дорог.

Мы Деве посвятили лиры.
Гудел над миром саксофон.
Крещенья мазаны мы миром
От сердца шел по миру звон.

Мы продолжали псалмопевца
Живое дело. Мы рекли.
За Слово Бога Страстотерпца
Нас в психодромы упекли.

Но мы простили. Бог их судит –
Распявших нищих христиан.
И воздаяние нам будет
По мере наших грустных ран

Господь распялся ведь за многих.
И благодарны мы Ему.
Он нам сказал: Вы, люди, Боги.
И крест я в небо подниму.

Там Ангел видит и ликует.
Танцует радостную весть.
Лишь эту вот судьбу такую
Я выбрал, ибо это – честь.

И нас прочтут еще потомки
И лиру Божию поймут.
Мы литургически негромко
Пропели миру Страшный Суд..

И Ангел верный зааминил
Наш крестный христианский путь.
Поэтов страстотерпцев видел
Он, как вели их всех распнуть.

И катакомбы психодромов
Нам аплодируют в ответ.
Иного для поэтов дома
В России не было и нет.

И Апокалипсис российский
Мы до конца уже прочли.
Наш психодром евроазиатский
Мы всему миру предпочли.

Господь распят. И это страшно.
И рухнула империя зла.
Мы пиво пьем как Пасхи брашно
И помним - тьма на нас ползла.

Но Ангел светлый, Ангел верный
Той тьме дорогу преградил.
России подвиг беспримерный
Зло той империи уходил.

И снова открывают храмы
И в храмах радостно поют.
Кресты мы подняли на рамы,
И в небе нам здоровье пьют.

Там свет победы торжествует
Святая Русь. Она свята.
К Руси Россия не ревнует,
Ведь со креста она снята.

И наши слезы, наши лиры,
Нам радостный пасхальный смех
Венчают царские порфиры,
И побежден всеместный грех.

Апокалиптическая лира
Над миром к радости зовет.
И Богородицыно мирро
Вратарница икона льет.

И в храм вошло благоуханье
С небес. Поют: Христос Воскрес!
Мы умащаемся духами
И славим Господа стихами,
Ведь победил голгофский Крест.

ПЕТР КАЗАРНОВСКИЙ

Путь сна снаружи жизни объясним
Невидимыми снами изнутри.
Нам кем-то снятся сны, и мы кому-то сним,
Что освещают ночью фонари,

Когда они, сутулые, горят
Непрошенным огнём и нутряным.
Напоминает издали их ряд,
Что пламя не сопровождает дым,

Что не огонь сопровождает дым,
Что сны неотделимы от основ.
И снящийся себе и снящимся другим
Вдруг пробуждается от сочетанья слов.

НИКОЛАЙ ЛУККА

Выглянула вновь весна
из-за снежной вьюги.
Боль несу, как кляча вьюк (и
вьюк тяжёлый). Новизна
боли, хоть прошло три года
с дней печальных, новизной
стала вечной. Боль со мной
и во мне. Так терракота
не стареет: обожжёт
мастер глину, дунет-плюнет
и, вздохнув, промолвит: «Лью не
пули!.. скоро оживёт
эта статуэтка: ей ведь
жить веков, быть может, девять!»
.....
Боль меня переживёт?

НИКОЛАЙ ГОЛЬ ЧАСТУШКИ

Скот считают головами,
а кальмаров - тушками,
жизнь становится словами,
а потом - частушками.
А веревочка все вьется,
а слова все множатся.
Как живется?
Так живется,
как, простите, может.
Вот бывают дни надежды,
а бывают - рыбные.
Барражируем промежду
Сциллою с Харибдою.
Обвыкаем понемногу.
Нас пока не трогали.
Слава Богу!
Слава Богу?!Слава ли?
И Богу ли?

ВАДИМ ФИЛИМОНОВ

ЗЕРНИСТЫЙ СВЕТ

Ночью в ванной
В зернистой мгле
Украденного света из-за окна
Света неизвестного
Тёмного происхождения
Лучше не смотреться в зеркало
Приделанное на стене над раковиной
На хитроумных немецких пружинках
/Зеркало - не раковина/
Да в этой зернистой мгле
Лучше не смотреть в зеркало
Можно увидеть
Можно увидеть
Можно увидеть НЕ себя.

ЮЛИАН ФРУМКИН-РЫБАКОВ

Ъ

жизнь безразлична, жизнь мила,
жизнь исчезающее мала,
она: лепечет, строит козы рожи,
улетает с дымком сигареты,
ущербным месяцем висит над Летним садом,
над Трубецким бастионом Петропавловки,
как деньги утекает меж пальцев...

как песок в часах, шурша,
перетекает сухой остаток любви
от меня к тебе,
настоящее становится прошлым,
память - общим знаменателем...

пусть земля нам будет пухом,
всё идёт прахом,
мы отрясаем его,
отрицаем его,

обильно удобряя культурный слой:
иллюзий, заблуждений, восторгов, идеалов,
страхов и ужасов
сеем доброе и вечное...

вулканический пепел надежд
засыпает Помпею...

вечная жизнь исчезающее мала,
она — дефис,
вечная жизнь - штрих-код настоящего,
здесь и сей час...

АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВ
/РЭЙ ТРОЛЛЕВИЗОР/

день в качестве птицы прост и ясен
 когда ты звонила с утра
 прости я был занят
 я кричал [просыпаясь] по-гречески
 что говорить о смысле имеет смысл
 только когда очевидны во-первых некая
 и в непонятках и в свежих коронках
 влетая и не сбрасывая синтепона
 нечто запечатлевающая на уголке губ
 а после говорящая навскидку
 о несостоявшихся преступлениях дня
 и во-вторых я
 как всегда невиновный или не при делах
 существующий помимо этого в текстах
 где очевидно необходима мелодия
 которая не помещаясь в скорлупе
 контрабаса-кастрата
 суть «ничта» выражает скорее всего «никак»

ПАВЕЛ БАЙКОВ

ПАЛИНДРОМЫ

Тише. Толп истина манекена манит сипло.
Тешит море пясти чулан.

Олива в мотиве витом Вавилона лучится пером.

Карма – бараки. Голос ям.
Лениво карцеров творец раковин ел мясо.
Логика раба – мрак!

Удач креститель, тавро смотри.
Нельзя вязь лени ртом сорвать.
Летит сер, к чаду,
на сером он, жеребце.

Дрессура – парус сердец. Бережно море.
Сан небу безумец не дал.
Маникюр блуда надул брюки на младенце.
Музе – бубен!

Марс яро в тоге шел, ясен, в омут умов,
неся лешего, творя срам!

Ропот нищ.
Бог облав о крови ворковал.
Бог общин – топор!

Уведи, Кумир бед в дебри муки Деву.

ПЕТР РАЗУМОВ

ХУДОЖНИКОВ СТРИТ

Это дистрикт, где ты вырос –
 Это Выборгский район.
 Художников стрит, стекло и бетон.
 Школа, где тебе рафинировали мозги,
 Площадка, где с друзьями ты играл в баскетбол.

Туса, дрыскач, бухло, конопля.
Драка после денцинга случится обязательно.
Если ты чужак – тебе не сдобровать.
Но ты сильно пьян, тебе на всё плевать.

В актовом зале рэпак за рэпаком.
 Это модно, чувак – всё пропахло табаком.
 Бутылки под сиденьями, девочки-целочки –
 Попытайся залезть к ней поглубже языком.

Взасос – без напряжения, последний медляк.
Ты проводишь её, ты зайдёшь к ней, чувак.
Дома мама-папа, которые тебя
За что-то недолюбливают, думаешь – зря.

У них на этот счёт особое мнение.
Ограничиться минетом – ванная налево.
Она хороша, неумелая шалава.
Всю её облапал – жаркая, жадная.

Ладно – поздно – всё – последний трамвай.
Не повезло – не остановится – пешком давай.

На своих – минут сорок – если быстро – до хаты.
Сто тридцать седьмая – Корбюзье отдыхает.

Это Выборгский район.
Чувак, ты здесь провёл
Свои семнадцать лет – каждый двор тебе знаком.
Приходи – посиди – на скамейке – где когда-то
Ты потягивал пиво, поругивался матом.

НИКОЛАЙ КОПЕЙКИН
РОССИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО! (новый гимн)

Возрождайся, Россия родная!
Пусть восстанут отцы из гробов!
Содрогнутся пророки Синая
И поднимется бизнес сынов.

*Пусть сияет под бампером новый глушак,
Тонировочка радует глаз.
Отдохнут от работы осел и лошак.
Дайте впрыск - будет счастье у нас!*

Пусть работают свежие схемы,
Несмотря на сибирский мороз,
Прогреваются новые темы,
Ускоряя реальный прирост.

*Пусть конкретный еще кое-где беспредел,
Что поделать, а кто без греха?
На местах не закончен земной передел,
Пробуксовывает ЖКХ!*

Подпадает под критику много чего,
Но Россия превыше всего!

От культуры подачек не надо!
Мы культурный и гордый народ!
Есть у нас неплохая эстрада.
Между прочим, приносит доход.

*Евродоллары, кстати, меняй на рубли.
Это скажет любой гражданин.
Ипотечный кредит в деревянных бери-
Обустройствай быт, семьянин!*

Пусть процентная ставка взлетит высоко!
Но Россия превыше всего!

Пусть отчизна героев рождает,
Сокращая скотины падеж.
Эмиссары Алькаиды знают,
Миллионы нас - всех не взорвешь!

*С террористами всяких мастей и кровей
Дан указ не вступать в разговор.
Казачок в шароварах нагайкой своей
Им устроит свой анти-террор!*

Мы потерпим хоть целую жизнь, ничего!
Ведь Россия превыше всего!

ОЛЕГ ФРОНТИНСКИЙ
ДВОРЦОВЫЙ МОСТ

Я по площади бегу,
Раздеваясь на бегу.
Я дарю одежды ветру – шляпы,
запонки и гетры,
И рубашку, и штиблеты,
И нейлоновую майку.
Голый я – поди поймай-ка.
Очень просто – чайкой с моста
Я ныряю в глубину
И... тону!

АНДРЕЙ КАГАДЕЕВ
ГЕ-ГЕЙ!

Гей, ты Русь моя родная!
Гей-Камчатка! Гей-Орел!
Вширь от края и до края
Бей копытами, осел!

Гей! Ходи, черноголовый,
Беззатылочный, пляши,
Жарь по кафелю столовой
За помин своей души.

Наливайся, лупоглазый,
Аж до дырок пятачка
Бочковым природным газом –
Все прокатит с кондачка!

Безлимитные тарифы,
Азиатские носы,
Бриллиантовые лифы,
Золоченные трусы!

Под стоцветными огнями
Голубые скачут вши.
Гей! С хвостами да рогами
От Габана-Живанши.

Реют розовые перья
Над хайтековой Москвой.
Гей! – пою тебе под дверью
Я – простой российский гой.

Если крикнет рать свиная:
Брось пиздеть! Пошли в кабак!
Я отвечу им: Не знаю.
Дайте денег мне. Вот так.

МИХАИЛ САПЕГА

УТРО
проснулся... -
ну, что ж,
для начала не плохо...

еще не умерла
или уже родилась?... -
эй, февральская муха!

по всем приметам
...вон, даже вода в унитазе
о скорой весне
напевает!..

пока все спят
сосредоточенно
(как в первый раз)
ногти стригу на ногах...

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ДЖУЛЬЕТТЕ

В тебе, мой друг, опять цветенье.
В движеньях видно Возрожденье.
И блеск в глазах, в лице значенье.
Ты возбуждаешь вдохновенье.

Пройдешь ли садом, расцветаешь.
В волнах вся в кружеве сверкаешь.
И в воздухе ты краше птицы.
Там при очах и при ресницах.

Восторг умеешь создавать.
Ах, как прелестна эта статья!
Ах, под тобой нога какая!
Ах, плечиком как повела!

И что пожелать тут? Здоровьем плескаться.
И быть, и творить, и восторгу предаться.
И смело чудить, ничего не бояться.
И долгие годы прожить постараться.

МИХАИЛ СМОТРОВ

ВЕСНА...

Был весенний день обыкновенный,
Только что родившийся апрель...
В ванной я себе разрезал вены,
заперев покрепче дверь.

Солнце всем дарило свет нескучно,
И природа так преобразилась!
Запихав меня в мешок для трупа,
увезли на дребезжащем ЗИЛе.

Гнёзда свили радостные птички,
Нет у них ни боли, ни обид...
Успокоил врач: «Обычный
подростковый суицид».

ВЛАДИМИР ТРЕТЬЯКОВ

ВОРОХИ

Твоей листвы очарование,
Твоя пленительная сень,
Твое томленье, упование,
Услады трепетная звень!

*

Верховодье приюта, несмыканье синдрома,
И мерцает каюта в волнах желтого рома...

*

Гонимы виршами Техаса,
Приблуды маковки зари,
Они скитались повсеместно
В зеленых ворохах травы...

*

Сомнений нет, а есть - скитанье,
Есть ощущение бытия,
А остальное - истязанье,
В слововращенье ты и я...

АЛЕКСАНДР ЭСОНО

УШКО

Если бы в ушко луны волк
мог бы вставить украшение воя!
Где там! Ушко – даже луны – островок,
остров, не дающий покоя.

Если бы черного неба вол
тянул к восходу тучи плуг,
и на луну не смотрел бы волк,
лишенный других подруг.

Но это – звери. И луна громоздка;
к ее острову лодка всплывает утло.
Утро – после ночи отдыха для мозга,
а для мозга что это - утро?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ	2
КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ	3
ПРОГРАММА ПЕРФОРМАНСА	9
ВЫСТАВКИ	
ГАРДЕРОБ ОДНОЙ ДАМЫ. ФОТОПРОЕКТ	10
НОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА	12
ЮБИЛЯРЫ	17
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВИТА НОВА"	22
ДИПЛОМЫ ВЫСТАВКИ "ПЕТЕРБУРГ-2005"	23
ПУБЛИКАЦИИ	
Валерий Савчук. Иконический поворот	27
Борис Тайгин. "Музыка на рёбрах".	29
ПРОЗА	
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ:	
Татьяна Москвина. За оборону памяти	35
Павел Крусанов. Равенство овощей (фрагмент романа)	37
Александр Секацкий. Два ларца: бирюзовый и нефритовый (отрывок)	39
Владимир Рекшан. Исчезающий город	40
Сергей Коровин. Путь к нравственному очищению	43
Наль Подольский. Станные игры магистров (глава из нового романа)	44
СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ. Рассказы из книги "Подари мне надежду":	
Самый цвет	47
Переезд в другой город	47
Из цикла "Венок сонетов. Знаки зодиака": Телец. Хорошее дело	48
Немного хорошего о простых людях	49
ВАЛЕРИЙ МИШИН. Колиголические рассказы:	
Комар	52
Кошка в окошке	53
АЛЕКСАНДР НИКИТИН-мл.	
ПОЭТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ	57

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
" М А Н Е Ж "

ДИЗАЙН - ЛАРИСА СКОБКИНА
ТИПОГРАФИЯ "ТЕТРА"

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007